

Валерий Поволяев

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОГНЯ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Валерий Дмитриевич Поголяев
По обе стороны огня (сборник)
Серия «Коллекция
военных приключений»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39474107

По обе стороны огня : Издательство Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7672-3

Аннотация

То и дело на постсоветском пространстве вспыхивают кровопролитные конфликты, при этом кто-то весьма своевременно поставляет в новые «горячие точки» оружие. Кто это делает, каким образом? Для того чтобы ответить на эти вопросы, в бывшую «всесоюзную здравницу» отправляется Игорь Шатков. С совершенно секретным заданием... А из повести «Человек на тропе» читатель узнает о реальной судьбе Джурты – героя одного из наиболее известных приключенческих романов.

Новая книга признанного мастера остросюжетной литературы, лауреата Государственной премии РФ им. Г. К. Жукова.

Содержание

По обе стороны огня	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	39
Глава четвертая	56
Глава пятая	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Валерий Поволяев

По обе стороны огня

*** * ***

© Поволяев В. Д., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

По обе стороны огня

Глава первая

В телефонной будке стоял широкоплечий, с короткой боксерской стрижкой отпускник, громко выкрикивал в трубку короткие энергичные фразы – будто команды подавал, – и чем громче он кричал, тем сильнее краснел у него жесткий, с несколькими жировыми складками затылок.

Шатков терпеливо ждал, когда отпускник откритится; подняв воротник джинсовой куртки, он поглядывал в сторону моря, откуда полз тяжелый, пропитанный соленый водой туман, ежился – у куртки внутри хоть и имелась пристегивающаяся подкладка из рыбьего меха, а было холодно, подкладка не грела, как вообще не способен греть рыбий мех. Он стукнул ногою о ногу – так люди мороз проверяют, не онемели ли конечности, подумал о том, что слишком болтливые ныне пошли отпускники – так может болтать человек, у которого слишком много денег, либо этих денег вообще нет, но отпускник не походил ни на одну категорию людей, ни на другую. словно бы почувствовав недовольство Шаткова, человек с боксерской стрижкой прорычал напоследок в трубку «Ца-алую!» и вывалился из будки наружу.

– Извини, друг! – бросил он Шаткову.

– Ничего, ничего, – вежливо отозвался Шатков, посторо-
нился, давая дорогу отпускнику.

Тот обдал его сладким запахом какого-то женского одеко-
лона и исчез.

Шатков набрал номер телефона Кононенко – своего тезки
Игоря Кононенко, который должен был ждать Шаткова дома,
но Кононенко не отозвался.

«Черт, вечно эти провинциальные телефоны барахлят. Он
же дома сейчас... Сидит и ждет. – Шатков невольно помор-
щился. – Впрочем, московские тоже обманывают лихо – та-
кие же вруны, как и провинциальные, никогда правильно не
соединяют. Ведь Игорь дома, явно дома, он ждет меня, так
было договорено!» – Шатков набрал телефон Игоря вторич-
но.

В трубке успел дважды пропищать гудок соединения, ко-
гда дверь автомата распахнулась с резким железным скре-
жетом. Шатков оглянулся – около телефонной будки стояли
трое, одетые в джинсовые варенки, будто в форму, – все ва-
ренки были одинаковые. «Дорогая одежда, – отметил Шат-
ков, – особенно по нынешним временам».

– Вылезай! – потребовал старший из этой тройки, парень
с насмешливым умным лицом и тяжелой нижней челюстью.

«О такую физиономию хорошо кирпичи бить, – невольно
подумал Шатков, – широкая, не промахнешься. И крепкая,
из чугуна отлита».

– Дай и нам поговорить! – подал голос второй варенка

чуть пожиже первого. – Ты поговорил, теперь нам пора. Тебе хватит!

Оцениваяще взглянув на троицу, Шатков почувствовал, что внутри у него пополз противный холодок.

– Ты чего, что-то кислое стрескал? Вид у тебя больно уж недовольный, – произнес старшой и, упершись ногою в дверь телефонной будки, просунул внутрь руку – в двери не было ни одного стекла, – схватил Шаткова за отворот куртки и с силой дернул на себя.

Шатков с маху врезался лбом в железное ребро двери и до крови рассек себе кожу над правой бровью.

– Гляди, телефонную трубку не хочет отпускать! – удивленно проговорил второй.

– А нервный-то какой, нервный, – добавил первый, – такой нервный, что даже сам себе фингал на лбу поставил. – Он снова дернул Шаткова к себе, но Шатков спружинил, откинулся спиной назад, отбил руку старшого.

Тот изумленно глянул на Шаткова.

– Ты гляди, действительно не хочет вылезать, – второй громко захохотал, он, похоже, не верил тому, что видел, хлопнул себя ладонью по животу, представление доставляло ему удовольствие. – Ей-богу, не хочет!

«Сволочь, ты хотя бы Бога не поминал», – спокойно, совершенно отрешенно, будто дело происходило не с ним, подумал Шатков. Он краем уха засек, что из трубки продолжают доноситься длинные гудки – значит, Игоря Кононен-

ко все-таки нет дома, либо автомат вновь неправильно соединил его, – и медленно, излишне медленно (он сам засек эту медлительность) повесил трубку на рычаг, отметив, что на площадке перед телефоном-автоматом народу никого, – бравая тройца, похоже, всех размела. Увидев, что старшой отпустил дверь, резко, что было силы ударил по ней ногой, параллельно с дверью послал вперед кулак, целя сквозь пустой, лишенный стекла квадрат старшому в лицо. Удар получился двойной: дверь врезала старшому по коленям и лбу, кулаком Шатков угодил ему точно в рот, ощутил, как под костяшками пальцев у варенки лопнули губы.

Шатков рассчитал точно: повалившись на спину, старшой обязательно собьет с ног своего напарника, и Шатков тогда выиграет несколько секунд. Останется еще один «вареный», третий, с ним-то Шатков уж как-нибудь справится, а когда поднимется «шестерка», то справится и с «шестеркой». Главное – расщепить их и расщелкать поодиночке. Но самый опасный из этой тройки – первый, «глава концессии».

Так оно и вышло – старшой, сдавленно ойкнув, повалился спиной на напарника, сбил его с ног, Шатков, стремительно выскочив из телефонной будки, очутился лицом к лицу с третьим – этот человек не произнес пока ни слова.

– Ну что? – совсем не зло, чувствуя, что холод, родившийся было внутри, прошел окончательно, спросил Шатков.

Третий молча сделал шаг назад и сунул руку за пазуху. «Что у него там? Пистолет, нож? Ну уж дудки!» – Шатков

ногой, по-каратистски вывернув ее на манер кочерги, носком вниз и внутрь, ударил молчаливого.

Удар был сильным – пришелся противнику в самый верх живота, молчун в варенке захрипел, выкатил глаза, будто хватил кислоты, и, проломив спиной грядку плотных кустов, росших за телефонной будкой, исчез. Даже следа от него не осталось: кусты, разойдясь на мгновение, тут же сомкнулись.

Старшой от удара не поднялся, – Шатков оглушил его, – на лбу у главаря вспухала большая красная шишка, но второй, опрокинутый на спину, пружинисто вскочил и метнулся к Шаткову. Шатков встретил его кулаком, другой рукой добавил – такие спаренные удары мало кто выдерживает, а у этого парня дым из трубы шел совсем жидкий, много на него не требовалось, – «шестерка» принял все на себя и отправился отдыхать к напарнику, находящемуся за кустами, вне зоны видимости.

– Наших бьют, глянь-ко! – услышал Шатков вскрик, стремительно развернулся на него и увидел, что к телефонной будке несутся еще четверо в «форме» – высветленных джинсовых костюмах-варенках.

«Это осложняет дело! Четверо на одного – это много! Да еще в чужом городе, в своем знакомых бы нашел – помогли бы, а здесь нет... Пора исполнять главную заповедь пулеметчика – тикать», – Шатков сдернул с крючка свою сумку – поношенную «монтану», перемахнул через кусты, увидел, что «подопечные» его неуклюже ворочаются на земле,

пачкают о траву свои дорогие варенки, кряхтят, головами крутят – не верят, что их побили... «Живые», – усмехнулся Шатков, перемахнул еще через один ряд кустов, ухнул в какую-то яму, услышал, как у него стукнули зубы, во рту сделалось солоно – прикусил язык, – перемахнул через третий ряд кустов... И все-таки с «главной заповедью пулеметчика» он запоздал – четверка преследователей лихо прорвалась через первую гряду кустов, около поверженных приятелей даже не задержалась – никто из них и глазом не повел в сторону валяющихся на земле парней, у бегунов руки чесались в предвкушении расправы, – лихо перемахнула через две оставшихся полосы препятствий и почти настигла Шаткова.

Шатков метнулся влево, к высокой стене, сложенной из белого кирпича, в прыжке вцепился руками в гребень, подтянулся и легко перевалился через край, бесшумно приземлился на асфальт.

Это был двор какого-то магазина, забитый ящиками, старыми, пахнущими рыбой и солью бочками, фанерными коробами с оторванными планками, прочей рухлядью, которой обязательно обрастает всякое торговое хозяйство.

Он услышал, как в стенку врубились разгоряченные парни, засопели яростно:

– Уйдет ведь, сука?

– От нас не уйдет!

Шатков подумал, что среди ящиков можно спрятаться – не драться же ему с этими четьрьмя, – но ящиков хоть и вы-

силось много, а все они были хлипкие, дырявые, просматривались насквозь.

Над забором показалась коротко остриженная голова одного из преследователей.

– Опля! – коротко выдохнул он, глядя сверху вниз на Шаткова. – Марфута, я тут!

Шатков оттолкнулся от стены, прыгнул вперед, перелетел через гору ящиков и скрылся за углом трансформаторной будки, стоявшей посреди двора, на бегу выколотил из себя кашель, остатки неприятного холода, появившегося перед началом драки, тягучую слюну, свалившуюся во рту в противный комок, от трансформаторной будки было рукой подать до магазина, – а там народ, там не очень-то подерешься, на виду у людей махать кулаками опасно – Шатков надеялся, что четверка этот момент очень хорошо понимает... Что же касается Шаткова, то злость у него прошла, осталась только шишка на лбу, – драться ему не хотелось. Да и не любил он драться. Не за тем, собственно, он парился и киснул несколько лет в подвалах, занимаясь карате, отрабатывая приемы, не для того он получил коричневый пояс.

Желание, конечно, благое – не драться, уйти от стычки, но сбыться ему не было суждено – магазин оказался закрыт, на решетчатых дверях висел большой, блестящий от смазки замок, под притолочным косяком бодро мигала лампочка сигнализации, ворота ограды тоже были закрыты.

Зацепившись руками за ограду, Шатков подтянулся, но

перекинуть тело через препятствие не успел – услышал за спиной топот, жаркое дыхание, сопенье – на лопатках у него проступило что-то горячее, липкое и Шатков невольно подумал: «Уж не кровь ли?» Спрыгнул обратно на асфальт, спокойно поставил сумку около ног и, приведя себя «в полную боевую готовность», как они иногда на занятиях карате называли предельную сосредоточенность, собранность мышц, внимания, ощущения пространства, в которое надлежало нырнуть после атаки или контратаки, встретил первого преследователя – проворного чернявого парня с вороньим носом.

«А ты действительно ворона, – отметил Шатков, – обыкновенная городская ворона. Или, может быть, ворон? Ворона мужского рода. С яйцами...»

Ворон на ходу выкинул вперед ногу, целя Шаткову в подбородок – знакомый прием, Шатков легко уклонился, ушел в сторону и, как ни был стремителен удар, перехватил ногу нападавшего, резко рванул ее вверх. Ворон вскрикнул и, сделав в воздухе мельницу, повалился на асфальт.

За первым нападавшим на Шаткова налетел второй. Хорошо, что не все вместе, иначе бы на площадке разыгралась Куликовская битва, – а так нападавшие расслоились: одни бежали быстрее, другие же хватали воздух ртом и тормозили на поворотах, самый прыткий уже получил свое и теперь любовался высоким блеклым небом и редкими облачками, плавающими в нем. Шатков поймал второго на кулак, – уйдя

от прямого тяжелого удара, нанес удар сам, удивился тому, что не смог сбить нападавшего на землю – тот пружинисто отскочил назад и ударил Шаткова ногой.

Ударил несильно, сильно ударить он не мог, выматерился сквозь сжатые зубы, схлебнул с губ пот – это был красивый светловолосый парень с девчоночьими глазами, которые до конца дней сохраняют изумленное выражение – тип опасный, самый опасный из тех, кто нападал на Шаткова. Незащищенность и чистота этого парня – деланные, фальшивые, он никогда не станет тем, кем представляется, и доверчивые простакки будут попадаться на это. На самом же деле это был человек жестокий и трусоватый, из тех, что любят нападать всемером на одного. «Оч-чень ты это дело любишь, всемером – на одного», – произнес про себя Шатков, глядя, как парень группируется. «Ну, аппендицит! Сейчас нанесет удар ногой. И, вполне возможно, одновременно рукой».

«Аппендицит» пригнулся, выкашлял что-то из себя сквозь зубы хрипло, некрасиво, сделал резкий мах ногой. Параллельно, – Шатков правильно рассчитал, – выбросил в коротком сокрушительном ударе руку. Шатков нырнул вниз, под руку бьющего, удару противопоставил блок. Есть в карате хороший прием – под удар ноги ставить скрещенные руки, Шатков остановил ногу нападавшего, пальцами цепко ухватил его за штанину и рванул ногу в сторону.

Было слышно, как с треском разорвался шов на крепких вареных джинсах. Видимо, не так крепки они были – штаны

эти произвели в Турции либо в Малайзии, а там даже нитки производят не те, что в Штатах – часто с гнилью. Парень взвизгнул – Шатков ему чуть не сломал ногу – и юзом поехал по пористому, в выщербинах и ломинах асфальту, такой асфальт сдирает мясо до костей, одежду просто сжигает – ободрался до крови, дернулся пару раз и вытянул ноги – то ли, боясь Шаткова, притворился, то ли отключился по-настоящему, Шаткову определять было недосуг, на него набегали еще двое, последние. Он подхватил сумку с земли, вцепился руками в край стенки и, чувствуя, что у него вот-вот оборвется сердце, подтянулся, перекатился через стенку и прыгнул вниз.

Улочка, на которой находился магазин, была тихой, узкой, густо заросшей акатником – буйными живучими кустами с мелкой листвой и неприметными желтоватыми цветками. Шатков глянул вправо – вдали виднелись две женщины, нагруженные сумками, тети едва-едва переставляли ноги, так они нагрузились, глянул влево – тут было чисто. Шатков понесся по улочке влево.

Со стены прыгнул один из преследователей, побежал за Шатковым, второй, видать, остался около поверженных бойцов – должен же кто-то привести их в чувство, и Шатков пожалел человека, устремившегося за ним следом: что же ты не щадишь себя, дур-рак, куда бежишь-то?

Улочка круто устремилась вниз, бежать сделалось легче, в конце ее обозначился небольшой горбатый мосток, сло-

женный из старых замшелых камней, у мостка гудел какой-то митинг – полтора десятка молодых людей собрались посудачить по важному политическому поводу – то ли корабли в Севастополе начали слишком быстро ржаветь, то ли народ Бурунди стал спиваться, то ли в аптеках Канады не хватает противозачаточных средств – в общем, у них имелся серьезный повод для разговора, только вот Шаткову никак нельзя было принимать участие в этой толкучке, поскольку он был гражданином другого государства – России.

Шатков перепрыгнул через узкий насыпной вал, скатился на гремучую железную крышу какого-то сарайчика, с нее спрыгнул во двор, в котором мирно дремали три пятнистые козы, из двора по тропке проскочил к гряде кустов, врубился в них, словно некий комбайн, сбил целую кучу невесомой прозрачной тли, оглянулся: бежит за ним этот дурак или уже отстал? Дурак бежал, на ходу размахивал руками и что-то кричал – кажется, призывал на помощь митингующих.

Ничего себе сюжетный поворот! С митингующими драться будет тяжело, митингующие бывают хуже пьяных. Шатков остановился, присел – превратился в пружину, пусть усталую, пусть полурастерзанную, но все-таки пружину.

Через несколько мгновений он слышал сиплое запаренное дыхание – бегун не отказывал себе во многих земных удовольствиях, любил виски и хохлацкий «кальвадос», теперь этот «кальвадос» он выплевывал на ходу вместе с кусками легких, хрипел, сморкался, топал ногами, будто слон,

обутый в грубые ботинки, подбитые железными подковами, – на бегу преследователь хватил полный рот противной тли и выругался.

Он с лету наскочил на Шаткова, – в сумеречи густых кустов не заметил присевшего на корточки противника, тоненько вскрикнул, напряженившийся Шатков чуть приподнялся – и бегун с самолетным воем, раскинув руки, понесся по воздуху дальше.

Приземлился он всем телом, от удара у бегуна даже отлетела молния на варенке, а внутри что-то хряснуло, оборвалось, от такого удара пузо у товарища – извините, господина, по-нынешнему, наверняка будет черным, как у негра, – затем тяжело проехал несколько метров по сырой осклизлой тропке и, подгребая гусиный кал, уткнулся головой в гнилой древесный выворотень. Шатков приподнялся, послушал – отозвались митингующие на призыв этого национального героя или нет?

Митингующие возбужденно шумели – похоже, призыв дошел до их душ. Это было плохо. Шатков подхватил свою сумку, быстро спустился по тропке, перешагнул через поверженного бойца. Побежал по тропке дальше – мешкать было нельзя, спустился к узкой вонючей речонке, понесся вдоль нее, затем прыгнул в воду, побежал по воде. Хорошо, что вялая грязная речушка эта текла не на мост, а от моста, в обратную сторону, иначе по мути, поднявшейся в воде, можно было легко определить, что Шатков пытается уйти речкой...

Он выбрался на берег. Но не на противоположный, а на свой же, пробежал еще немного, стараясь не оставлять после себя мокрети, приметных следов, и затаился в кустах.

Военная хитрость оказалась верной – вскоре по противоположному берегу с гиканьем, будто на конях, промчалась толпа митингующих, некоторые на бегу старались выломать дубину поувесистей, либо выдернуть из чужой загородки кол – намерения у этих защитников окружающей среды были самые серьезные.

Минут через двадцать с прежней неувядшей ретивостью и лошадиным гиканьем толпа пронеслась обратно, и Шатков, послушав, как она удаляется в сторону мостка, выбрался из своего укрытия, по воде перебрел на противоположный берег, вытряхнул воду из кроссовок, выжал носки и снова затаился в кустах.

Толпа митингующих – видать, последний поверженный был ей небезразличен, раз она так дружно поднялась на его защиту и жаждала мщения, – с гиканьем промчалась по берегу, покинутому Шатковым, ломая по дороге кусты, распугивая кур и гусей – этот мирный сельский уголок ничем не походил на благословенный южный город, любимый курортниками, здесь пахло провинцией, затхлостью, чем-то неприятным, – и исчезла.

Подхватив сумку, Шатков покинул убежище и вскоре очутился у парковой решетки. Сквозь разведенные прутья пролез внутрь. Это была территория богатого санатория, где ко-

гда-то отдыхали сильные мира сего: от той поры остались посыпанные песком дорожки, ухоженные растения, кусты благородного лавра, дубовые скамейки с затейливой резьбой и полное безлюдье... Хотя вполне возможно, что охрана из числа сотрудников определенного номерного управления тут имелаась. С кем, с кем, а с этими сотрудниками Шаткову встречаться хотелось еще меньше, чем с командой, от которой он только что отбился.

Выбрав тихую, прикрытую кустами скамейку, Шатков расположился на ней, достал из сумки одеколон, обработал им ссадину.

Глянул на себя в зеркальце, невольно вздохнул – по краям ссадины широко запеклась и почернела кровь, губы тоже были темными от присохшей к ним крови, глаза ввалились, стали тусклыми. Это были глаза незнакомого человека, не Шаткова. Кожа на костяшках пальцев была содрана – столько, сколько ему пришлось драться сегодня за какие-то сорок минут, не приходилось драться за последние три года. Шатков покачал головой, его передернуло.

Концом платка, смоченного одеколоном, он смыл черную налипь, обметавшую ссадину, набросил на нее прядь волос.

Он просидел минут десять на скамейке и так не увидел ни одного человека – санаторий словно бы вымер. Наверное, тут действительно отдыхали самые-самые... Шишки из шишек. Шишки сосновые, шишки кедровые – жирные, с начинкой...

Приехал Шатков в этот город и словно в холод угодил,

в чужую страну. А впрочем, это уже и есть чужая страна – Украина.

Надо было снова звонить тезке. Ну что же он так подводит? Обещал быть дома, а дома его нет. Шатков вздохнул, пошевелил чужими неслушающимися губами – рот одеревенел, кто-то из бойцов, видать, задел его скользящим ударом, а Шатков в горячке не заметил; он промокнул губы платком, поморщился – было больно.

Посмотрел повнимательнее в зеркальце – губы набухли. Шатков поднялся и пошел искать телефон-автомат.

Нашел здесь же, на санаторной территории, между двумя старыми кипарисами. Телефонная будка поблескивала свежим ярким лаком, словно картинка, – похоже, она недавно была привезена с завода. И аппарат в ней стоял новый, неисцарапанный, с непогнутой прорезью для жетонов, без рвани на шланге – умеют и у нас следить за общественным имуществом, когда хотят, и сношенное оборудование меняют вовремя – вот что значит шишки сосновые, шишки кедровые. Он набрал телефон Игоря Кононенко.

Телефон молчал.

«Неужели о Игорем что-то случилось? Ведь он же должен быть дома, должен ждать...» Шаткову, кроме Игоря, некуда было идти. Да он и не имел права нигде, кроме как у Игоря Кононенко, объявляться.

Через пятнадцать минут он снова позвонил Игорю – телефон по-прежнему молчал.

Еще через пятнадцать минут сделал звонок – та же история.

Выходит, с Игорем что-то произошло. Это осложняло жизнь Шаткова...

Глава вторая

По соседству с кинотеатром, на чистой зеленой площади, располагался торговый центр, а в центре, на последнем этаже – шумное кафе, известное всему городу. Шатков направился в кафе – надо было работать по запасному варианту.

Из затененных окошек кафе было видно море, серая набережная с притулившимся к ней огромным черным ботом старым теплоходом, расцвеченным мелкими радостными флажками, беззвучно крутящиеся автомобильчики аттракциона, кипарисы, обсыпанные грязными голубями, – на набережной пировали чайки, и голуби боялись их, скрывались в густых кипарисовых ветках. Железный визг автомобильчиков не доставал до окон кафе. Шатков взял себе жидкий, мутного рыжевато-коричневого цвета кофе, один бутерброд, барменша – разбитная бабенка с короткой белобрысой стрижкой – так остро глянула на него, что Шатков невольно стушевался и добавил к заказу бокал коктейля под названием «Артистический венок» – ужасно дорогого и ужасно невкусного, лучше бы барменша выдала ему пятьдесят граммов коньяка и пятьдесят граммов ликера, все в отдельности, отдельно одно и отдельно другое, чем это пошло. Он сел за столик, стоящий у окна.

Барменша покосилась на Шаткова из-за стойки и включила музыку – трогательно-сладкую, щемящую, заставляющую

печалиться. Включив магнитофон, барменша водрузила на стойку полные белые руки и с интересом начала разглядывать Шаткова.

«Может, она меня с кем-нибудь путает? – устало подумал Шатков, отпил немного из бокала, занюхал коктейль бутербродом, поднял ободранный большой палец, показал барменше – сделал он это специально. – Но где же Игорь Кононенко? И где мне ночевать? У барменши?»

Он посмотрел на стойку. Барменша перестала его разгadyвать, она теперь мыла стаканы и, как это часто показывают в западных фильмах, протирала их полотенцем, высоко подняв над головой, – проверяла их на свет. Только полотенце было такое, что Западу неизвестно – украинский рушник с красно-черными петухами и серым замызганным полотнищем. Шатков невольно улыбнулся.

В кафе влетела стайка девчонок – похоже, школьниц. Школьницы бросили несколько зорких оценивающих взглядов по сторонам, за Шаткова не зацепились, взяли себе то же, что и он: коктейль «Артистический венок».

«Однако, – отметил он, – это как в газете, где передовая начинается со славного слова „Однако“... Однако у девчушек деньги водятся. Откуда? Папы дают? Мамы? Не смешите общество, господин Шатков, девочки сами зарабатывают их – спят со взрослыми дядями. За карбованцы, за доллары. Вот тебе и „однако“», – Шатков усмехнулся, откусил кусок бутерброда. С чем был бутерброд – то ли с рыбой, то ли

с ветчиной, то ли с колбасой – не разобрал. Такой это был бутерброд.

В кафе появилась новая посетительница – девушка, тоненькая, как свечка, глазастая, с каштановым хвостом волос, перетянутым цветной лентой.

«Путана», – отметил Шатков.

Эта девушка, в отличие от школьниц, зацепилась за него взглядом и села за столик неподалеку. В городе наступило бессезонье, клиентов не хватало, путаны простаивали, поэтому на безрыбье и рак был рыбой.

«Чудо-юдо-рыба-рак, – вздохнул Шатков, – хлоп по пузу просто так! И что только в голову не лезет? Ерунда какая-то, пустота, тьфу! Выход надо искать, выход! Где Кононенко, куда он подевался, что с ним произошло?»

Путана оглядела Шаткова поподробнее и поскучилась – не клиент, – отвернулась от него и нервно стукнула длинными острыми ногтями по пластиковому столу, впилась глазами в дверь, где показались двое широколицых хмельных молодцов, расцвела в радостной улыбке: вот они, клиенты!

«Готова сразу под двоих лечь», – продолжал свои наблюдения Шатков.

Появилась еще одна путана – широкая в кости, веселой хохлацкой породы, с сочными свежими губами, что-то жующая – то ли резинку, то ли конфету, с томным взглядом и манерами представительницы высшего света, также заняла отдельный столик.

«Если Кононенко не возникнет на горизонте, то придется выбирать одну из путан и ночевать у нее. Другого выхода нет...»

Кононенко так и не появился, сколько Шатков ни звонил ему: он как сквозь землю провалился, хотя день назад Шатков говорил с ним по телефону из Москвы и у Кононенко никаких срочных дел на сегодня вроде бы не предвиделось и тучи на горизонте не возникали. Что случилось с тезкой, кто отвлек его, каким делом повязал? Вопросы, вопросы, вопросы, сплошные горбатые знаки, ведомые каждому несмышленому школьнику, – всюду одни только вопросы и ни одного ответа на них.

Воздух за окном сгустился, посинел, на недалеком молу, увенчанном старым белокаменным маяком – греческой еще, говорят, постройки, – зажглись огни, набережная, около которой стоял дряхлый теплоход, тоже украсилась огнями. Шатков с грустью посмотрел на набережную, на теплоход, набитый людьми, полный музыки, напитков, чьих-то надежд, любви, свиданий, и ему остро (даже в горле что-то захлюпало, и сам он сделался каким-то мягким, печальным) захотелось уехать отсюда, уплыть на этой вот древней громадине...

Он помассировал пальцами виски, растер уши, особенно тщательно мочки – говорят, в ушах, по-над хрящами, в мочках сокрыты важные нервные центры, управляющие телом,

если их помассировать, — они и отрезвят человека, и снимут головную боль, глухоту, щемление в затылке и тесноту в висках, заставят ровнее работать сердце, и дышать после этого обязательно сделается легче, — сходил к телефону-автомату, еще раз позвонил Игорю Кононенко. Пусто. На обратном пути бросил барменше:

— Приготовьте, пожалуйста, еще один кофе. Покрепче!

— Покрепче — только двойной!

— Тогда двойной.

— Это будет стоить в три раза дороже.

Шатков не удивился такой арифметике — кофе крепче будет только в два раза, а дороже в три, — согласно кивнул:

— Договорились!

Шатков снова вернулся к телефону-автомату. Набрав номер Игоря, он минуты полторы держал трубку у уха, слушая редкие хрипловатые гудки — Кононенко не отвечал, потом с сожалением повесил трубку на рычаг. Задумчиво постоял у телефона, задумчиво помял одно ухо, потом другое — все, сроки прошли, надо действовать самостоятельно. Было муторно и тревожно, и отчего было так муторно, так тревожно, Шатков не мог понять, — и чувствовал он сейчас себя много хуже, чем днем после драки.

Хоть и не хотелось ему улыбаться — не было настроения, но он заставил себя улыбнуться, ладонью прикрыл рот, словно бы закрепляя эту улыбку на лице, и с улыбкой вернулся в кафе.

Чашечка кофе стояла на блюдце перед барменшей. Шатков уплатил по счету, сверху добавил еще столько же – знал, что этим обратит на себя внимание и барменша запомнит его именно по этому жесту. Впрочем – все это мелочь в сравнении с настоящими деньгами.

Барменша круто выгнула брови, усмехнулась:

– Ого, какая роскошь! Отчего так?

– Захотелось почувствовать себя белым человеком.

– Для этого надо действовать по-другому: взять одну из девочек и заказать три бутылки коллекционного шампанского, одну распить здесь, две – в доме.

Шатков повернулся, внимательно оглядел зал:

– Разве тут есть стоящие девочки?

Барменша выгнула брови еще круче:

– Ничего себе заявочки! Может, тебе английскую королеву привести за руку?

– Не надо. Слишком стара.

– Хам, он везде хам, даже в читальном зале Ленинской библиотеки, – оскорбительно фыркнула барменша и посмотрела на Шаткова с новым выражением в глазах, с особым интересом, которого раньше не было, улыбнулась чему-то своему.

– Ленинской библиотеки давно уже не существует, переименовали, – сказал Шатков. – Это раньше была Ленинская библиотека... То время ушло от нас. Безвозвратно.

– Мне все равно. Я никогда книжек в ней не брала.

– Читать не умеешь? – невинно поинтересовался Шатков.

– Не умею? – снова фыркнула барменша. Собственно, какая из нее барменша? Сейчас принято всех посудомоек барменшами называть. Обыкновенная буфетчица она, довольно смазливая.

– И много у тебя в кармане звенит монет? Золотых дублонов...

– Больших золотых дублонов, – Шатков усмехнулся.

– А что, были малые?

– Не знаю, в те века я не жил.

– Пустой разговор, – неожиданно заявила барменша, интерес, появившийся у нее в глазах, пропал – крохотные золотые точки, зажегшиеся внутри зрачков, истаяли, глаза сделались холодными. – Пустой! – повторила она со злыми нотками в голосе. – И вообще тебя надо прощупать: что ты за птица?

– Сегодня уже пытались это сделать.

– Ну и что?

– Ничего не вышло, – Шатков с неожиданно виноватой улыбкой развел руки в стороны. – Как видишь.

– Значит, не те взялись за дело.

– Ну и разговор у нас затеялся, – покачал головой Шатков, улыбнулся грустно, словно бы ему сделалось жаль и себя, и барменшу, и этих людей, – он покосился через плечо, – сидящих в задымленном, плохо проветриваемом зале. – Начали за здоровье, кончаем за упокой. Надо бы переменить те-

му.

– Ты из какого города прикатил?

– Из Москвы, – не стал запираяться Шатков.

– С неприглядного сырого севера на благословенный тихий юг, – произнесла барменша выпренно, в традициях выпускниц курсов благородных девиц конца девятнадцатого века.

– Это когда же ваши края стали тихими? – Шатков сощурился. – Разборка на разборке, стрельба на стрельбе. То татары с украинцами воюют, то украинцы с русскими, то лешие с чертями, то моряки с гражданскими. Ничего себе благословенный тихий юг! Жуть!

Барменша оставила речь Шаткова без внимания, лицо у нее приняло независимый вид, словно разборки эти ее не касались, «не царское это дело», – спросила коротко:

– Отдыхать, конечно, приехал?

– Отдыхать.

– И как же у тебя с «мани-мани»?

– Неприличный вопрос. И очень неосторожный. Но тебе я отвечу. Как у всякого отдыхающего. На девочек, считаю, хватит.

– А если не хватит?

– Что ж, и такое может быть. Выпишу из Москвы еще.

– Есть такая возможность? – барменша прощупывала Шаткова. Шатков пока не понял, зачем она это делает. Если хочет поставить качественных девочек и сомневается в кре-

дитоспособности клиента – это одно, а если... – Ты богатый Буратино, выходит?

– Богатый, – Шатков согласно наклонил голову. – Хотя я не знаю ни одного богатого человека, который не хотел бы стать еще богаче.

– Поколотили тебя, значит, наши? – она взглядом указала на ссадину, которую Шатков тщательно припудрил, но барменша разглядела все, от нее трудно было что-либо скрыть.

– Ваши.

– Ладно, жди! – наконец закончив проверку, приказала ему барменша. – Сейчас я позвоню девочке, которая тебе обязательно понравится.

– А если не понравится?

– Исключено. Обязательно понравится.

Она скрылась за бамбуковой струистой занавеской, взялась за телефон, стоящий на темном деревянном столике – Шаткову это было видно сквозь редину занавески, набрала номер – по движению пальца по диску Шатков определил, что барменша набрала цифры 2, 4, 9, 6, 2, – шевельнул губами, запоминая их, прислушался к тому, что говорит барменша, но ничего, кроме имени «Нэлка», произнесенного дважды, не разобрал. Барменша вернулась, пощелкала пальцами:

– Ну, теперь, царь Гвидон, жди...

– ...когда лягушка прискачет, – закончил вместо нее Шатков.

– Сам ты лягушка! – обиделась барменша. – Посмотри на себя в зеркало! Я лучшую девушку Крымского полуострова высвистала, а он... Тьфу! – барменша с презрением глянула на него. – Валил бы отсюда!

У Шаткова внутри возникло ощущение, что он стоит на правильном пути – через эту барменшу, через Нэлку, через других выйдет и на настоящего царя Гвидона... или как его там величают? – раскопает то, что до него не могли раскопать другие. Все, счетчик включен, он пошел по лезвию ножа.

– Я, конечно, могу свалить отсюда, но...

– Клоун! – не выдержав, перебила его барменша. – Ох и клоун!

«Что верно, то верно, – устало подумал Шатков, – не будь я клоуном, разговор был бы совсем другой».

– А Нэлка? – спросил он и недовольно поморщился: ох и глупый же вопрос задал он.

– Нэлку я высвистела, но это не означает, что она достанется тебе. Клиенты у нас и без тебя, ободранного, есть. – Барменша подняла указательный палец. На этот строгий учительский жест нельзя было не обратить внимания. – Понял?

– Понял, чем дед бабку донял, – засмеялся Шатков. – А Нэлка твоя, если она действительно хороша, все равно достанется мне. Понятно?

Он вернулся к столу, допил остатки коктейля, оглядел зал – ничего стоящего в кафе не появилось, нацепил сумку

на плечо и вновь подошел к стойке.

– Чего кошелек свой подхватил? – насмешливо поинтересовалась барменша. – Обиделся, что ли? Или испугался за деньги?

– Какой кошелек?

– Ну на плечо ты что повесил? Кошелек ведь...

«Сюжет развивается вяло. И почему-то вкривь, – подумал Шатков. – Кононенко пропал, с моря туман наплзает, холодно становится, ночевать негде... Придется у Нэлки. Если она, конечно, появится».

– Что, и в туалет уже нельзя сходить? – он усмехнулся.

– С сумкой?

– Я все свое ношу с собою. В том числе и предметы личной гигиены.

– Ага, зубную щетку для чесания подмышек. Ну иди, только унитаза не сверни! – лицо у барменши сделалось грубым, мужским, подбородок упрямо выпятился, будто у кулачного бойца. – Дорогу знаешь?

– Знаю.

Туалет находился на этом же этаже, по ту сторону лестничной площадки. На лестнице было темно, тусклая лампочка едва пробивала вязкий сумрак, в ней даже не были видны ступеньки лестницы.

Снизу шли люди, мелькнули две женские головы на повороте, – хоть и темно было, а Шатков разглядел лица девушек – впереди шла рослая блондинка с резковато-краси-

выми чертами лица и огромными светлыми глазами, сзади брюнетка – тоже очень броская, с точеным лицом и высокой шеей, их сопровождали двое парней в джинсовых варенках. У Шаткова невольно сжалось сердце: опять варенки... Парень, шедший последним, был из тех, кто нападал на него. Шатков стремительно расстегнул молнию на сумке, выдернул из нее модную джинсовую шляпку в виде бесформенного гриба – такие шляпки любят носить отдыхающие, – не шляпа, а шапокляк, шляпокак – по имени хулиганистой старухи из старого кукольного фильма, Шатков уже забыл, как ее точно величали, – такая шляпа-гриб делает человека совершенно неузнаваемым, словно шапка-невидимка.

– Не спеши, Нэлк, – попросил парень, замыкающий строй, – сердце вываливается.

– Пить надо меньше, – безжалостно бросила Нэлка, это была яркая блондинка со светлыми глазами, легко откинула назад копну волос, тряхнула головой, – тогда и дыхалка будет нормальная, и сердце останется на месте.

– Лучше пить, чем болеть, – хмыкнул парень.

– А логика где? – поинтересовалась Нэлка. – Нет логики!

– Вдруг сейчас этого лептуха придется обрабатывать, а?

– Не путай «а» с «я», говори «я» только после того, как я скажу «а», – у Нэлки была прелестная, очень тонкая, чуть с иронией, чуть с грустью улыбка – ее можно было разглядеть даже в сумраке, слишком необычной и запоминающейся была эта улыбка. – Усвоил, Штырь?

Шатков наклонил голову, чтобы не было видно его лица, потянул шляпу-гриб за край, надвинул ее на самый нос и зашпешил по лестнице вниз. Он уже не боялся, что парень в варенке узнает его – сейчас это не имело никакого значения.

Девушки не удостоили Шаткова даже взглядом – они шли на вызов, и разные лестничные бегуны их не интересовали, и прежде всего красивую Нэлку, а вот парни зацепились за него глазами, пробили буквально насквозь, вначале один, потом другой, но Шатков был спокоен и равнодушно прошел мимо, в другой туалет, располагавшийся в торговом центре этажом ниже.

Замыкающий парень в варенке не узнал его. Хотя и был взгляд этого парня острым, как укол ножа. Не все острое, оказывается, колется.

«Ничего, еще узнаешь», – невольно подумал Шатков.

В туалете он снял с себя шапочку-грибок, сунул в сумку. Ему необходимо было время, чтобы обмозговать свои действия. Постоял немного перед зеркалом, помял пальцами подбородок, потрогал ссадину на лбу, замазал ее еще немного крем-пудрой, которую всегда брал с собой на задания, и, стараясь быть веселым, нагнав этого веселья в себя силком, промурлыкал что-то невнятное под нос. Вдохнул: «И жизнь хороша, и жить хорошо»... Но так ли уж хорошо?

Была нормальная страна, могучая, криволапая, хоть и закомплексованная, но в обиду себя не дающая, а сейчас... Некогда мощная гордая держава превратилась в государство

лавочников, силы в стране осталось только на то, чтобы выжимать воду из помидоров, а уж что касается взаимоотношений с разными могучими и не очень могучими соседями, то мы скоро и перед Польшей с Румынией будем снимать шляпу и склонять голову до земли, не говоря уж о какой-нибудь Эфиопии или Лихтенштейне...

Он достал из сумки яркий шелковый платок, повязал на шею – важно сместить акцент, добавить в костюм новые детали, например, это броское пятно, – в костюме все, кроме этого броского пятна, будет уже второстепенным, и человек смотрится по-новому.

Оглядел себя внимательно, поморщился – болела ссадина на лбу, внутри что-то ныло, горло саднило, и это раздражало, может быть, больше всего, хотелось спать, все тело устало, гудело, по костям шел звон. А может, и стон. Но что это – звон или стон, – не понять. Он вздохнул, расстегнул на себе куртку. Рубашка на нем, как и куртка, была фирменная. А это деталь немаловажная. Особенно для таких девушек, как Нэлка и ее подружка.

На лестнице Шатков задержался, снова позвонил Игорю Кононенко – телефон не ответил. Шатков сжал зубы, вздохнул – не нравилось ему это...

В продымленный, освещенный цветовыми всполохами «музыкальной» лампы, укрепленной над стойкой барменши, зал он вошел с улыбкой.

Нэлка со своей черноволосой подружкой сидела за столи-

ком недалеко от стойки.

Сопровождающих парней в зале не было. Шатков понял, что барменша увела их в служебную комнату, за бамбуковую занавеску – обстановку в зале эти парни контролировали оттуда.

– Ну чего? Вернулся? – довольно равнодушно спросила барменша.

– Ты – незабываемая женщина, – настраиваясь на тон барменши, сказал Шатков, – от таких женщин мужчины не уходят.

– Твоими устами только мед пить, – барменша вздохнула. – Что, еще коктейль? Или кофе?

– Два коктейля, – послышался голос из-за спины Шаткова, – и два кофе.

Это была Нэлка. Шатков обернулся и, немного помедлив, показал рукой на круглый вертящийся стульчик, установленный на длинной стальной ножке.

– Прошу, мадемазель. Место свободно. Какая приятная неожиданность!

– На минуту, пожалуй, присяду, – согласилась Нэлка, усаживаясь на стул. Вытянула красивые ноги.

«Очень соблазнительно, – не замедлил отметить Шатков, – ноги километровой длины. И все остальное в полном порядке».

– Ах, какая девушка! – восхищенно пробормотал Шатков. – В обморок грохнуться можно.

– Как говорили древние греки – ближе к телу, – Нэлка шатнулась через стойку к пачке сигарет, взяла оттуда одну, барменша дала ей прикурить.

– По истечении времени буква «д» в слове «дело» трансформировалась в «т», – сказала барменша. – А молодой человек, должна тебе сообщить, очень спешит. Как Наполеон, который общался с женщинами, не снимая штанов, – барменша засмеялась.

Фразу насчет Наполеона Шатков пропустил мимо ушей.

– Естественно, спешу, – сказал он. – Я здесь пролетом из Москвы в Рио-де-Жанейро. Временем здорово ограничен. Время – штука дорогая!

– Заговорил, как реклама «Аэрофлота». Или «Трансаэро», на худой конец, – не замедлила поддеть его барменша. Видать, у нее такой характер был – всех поддевать. – Вас похоронит за свой счет ваш дорогой «Аэрофлот».

– И какой валютой будет расплачиваться занятый молодой человек? – спросила Нэлка. – Железными карбованцами?

– Нэлк, ты что! – пробовала подрезать вопрос барменша, но Нэлка на нее даже не обратила внимания.

Шатков снял с плеча сумку, расстегнул ее, показал Нэлке. На дне сумки среди носовых платков, двух запасных рубашек, плавок и туалетных принадлежностей лежало несколько пачек денег – банкноты по пятьдесят тысяч рублей в фирменной облатке с печатью Центрального банка России.

– Устраивает? – Шатков понимал, что он совершает ошибку.

ку, показывая деньги Нэлке, но иного пути у него не существовало, эти деньги надо было показывать. Он сейчас один, совсем один в большом городе, без прикрытия, без связей. Если бы рядом находился Кононенко, он бы действовал по-другому...

– А зеленые? – спросила Нэлка, не проявив к деревянным российским «дензнакам» особого интереса.

Шатков отогнул пластмассовую пластину, прикрепленную ко дну сумки, показал, что там есть. На дне сумки лежали две довольно плотных пачки долларов.

– Ну что, стартовый капитал есть, – констатировала Нэлка и трогательно склонила голову набок. Посмотрела на барменшу. – Ты права. Красивый парень. Такие и летом не всегда отдыхают в нашем городе.

– Я рада, – сказала барменша. – А вообще-то я чуть ошибку не совершила: час назад я этого «красивого парня» едва из бара не вытурила.

– Таких людей нельзя трогать. Их оберегать, их лелеять надо. – Нэлка с нежностью посмотрела на Шаткова.

– Теперь, кстати, о птичках – о поэзии. Александра Сергеевича Пушкина знать надо, – бросил Шатков барменше. – Не «вас похоронит за свой счет наш дорогой „Аэрофлот“», а иначе – «Быстро, дешево и без хлопот вас похоронит „Аэрофлот“». В Рио-де-Жанейро так говорят.

– Я здесь с подружкой, – сказала Нэлка, – зовут ее Ларисой.

Шатков оглянулся. Лариса, сидящая за столиком, призывно подняла руку. Шатков кивнул ей в ответ.

– Очень красивое имя – Лариса.

– И девочка ничего, – сказала Нэлка. – Хочешь любовь втроем?

– Надо подумать.

– Тогда заказывай еще один коктейль и один кофе.

Шатков заказал. Барменша поставила три кофе и три коктейля на деревянный резной подносик («Вьетнамский, в этом баре много всего восточного, вьетнамского и китайского», – отметил Шатков) и сама отнесла за столик.

Парней нигде не было видно. Они словно бы сквозь землю провалились. За занавеской даже ничто не шевельнулось, не стронулось с места – парни умели сидеть в засадах.

«Ладно, – вздохнул Шатков, – пусть будет так...»

Через двадцать минут он и две девушки, Нэлка и Лариса, вышли из кафе.

Глава третья

Квартира у Нэлки была уютной. У таких девушек – имеются в виду девушки, знающие жизнь, – всегда бывают уютные квартиры. У многих людей квартира имеет стандартный набор мебели, незатейливый коврик на стене, пару цветных гравюр с непонятными изображениями – то ли город у моря нарисован, то ли фрукты на скатерти, то ли под стекло засунута обычная абстракция, безвкусная, как смятая утюгом газета, с парой расплюснутых мух, прилипших к бумаге, а у Нэлки квартира носила отпечаток характера владелицы – это была «штучная» квартира, в каких всегда присутствует что-нибудь запоминающееся.

В Нэлкиной квартире на стенах висели не вырезки из «Огонька», которым место в общественном туалете, а не в доме, и тусклых литографий тоже не было – висели три хороших живописных холста, два были написаны маслом, – ухоженные, под свежим лаком, один – гуашевый пейзаж в аккуратной раме под стеклом, – все три полотна с автографами авторов. В углу был сложен камин, украшенный черной чугунной решеткой, около которой стояла ступа с инструментами для поддержания огня в камине – клюкой, щипцами, метелкой, совком.

– Камин настоящий? – спросил Шатков. Ему было здесь, в Нэлкиной квартире, интересно.

– Настоящий.

Шатков присвистнул: иметь камин в городе, да еще такой камин, с «рукодельной» решеткой, – штука дорогая.

– Может, зажжем?

– К сожалению, увы... Дров нет.

– Картины чьи?

– Две – моего бывшего мужа, одна, – она показала пальцем на гуашь, – любовника, живописца из Москвы.

– А где муж? – осторожным голосом спросил Шатков.

– Муж объелся груш. – Нэлка засмеялась.

– Где он? Что за груши?

– С мужем я не живу. И груши не ем. Я девушка умная, знаю, чем их околачивают. – Нэлка, перестав смеяться, продолжила тему насчет мужа: – Он уехал за границу. В Израиль. Он там, я тут, он ест киви и авокадо, я – мандарины из солнечного Сочи. У каждого – свое. Иногда мы переписываемся: он присылает мне листок бумаги с нарисованной на нем комбинацией из трех пальцев, я ему три слова на «верже»: «Люблю, целую, жду!».

– Роскошная семейная жизнь!

Над камином висело несколько гипсовых слепков рук – были руки могучие, с оплющенными пальцами, рабочие, были изящные, почти немощные – скрипачей, кукловодов либо поэтов.

– Что за коллекция? – поинтересовался Шатков. – Тоже от мужа осталась?

– Нет, это моя, – сказала Нэлка, – это я старалась. Делала слепки с приметных рук, а Лева помогал. Потом я стала делать эти слепки сама, без помощи, и (Лев в это поверить не мог) лучше его, – в Нэлкином голосе прозвучала какая-то звонкая девчоночья гордость, совсем не совмещающаяся с ее обликом и тем более – с нынешним родом занятий.

«Вот это, кстати, и делает человека человеком», – отметил Шатков, сел в кресло, стоящее перед столиком, сумку кинул под ноги.

– Кошелек держишь рядом с собой, не выпускаешь из рук? – Нэлка серебристо, будто русалка, засмеялась, она и сама походила на утомленную морскую русалку, выбравшуюся на берег для людских усад, кивнула одобрительно: – Правильно делаешь!

– Привычка, – отозвался Шатков и подумал: «Сюжет развивается слишком медленно. Но вскоре он покатится, покажется, загромыхает колесами на стыках – вскоре еще появятся действующие лица. Для начала – эти двое. А потом будут еще».

– Душ принимать будешь? – спросила Нэлка.

– Буду.

Он расстегнул куртку, бросил на пол, расстегнул рубашку. Нэлка произнесла удовлетворенно:

– Ого!

– Для кого «ого», а кому способ зарабатывать себе на жизнь.

Нэлка не выдержала, рассмеялась. Тихо, расслабляюще.

– У нас в институте ходила присказка про мальчиков в длинных пиджаках. Мы, девчонки, не любили длинные пиджаки. Спрашивается, почему? А когда танцуешь с мальчиком, он прижимается к тебе, что-то шепчет, но ты совсем не знаешь, любит он тебя или нет? Стоит у него или не стоит? Все прикрывает длинный пиджак, – Нэлка произносила вещи пошлые, затертые, но это не звучало у нее пошло.

Шатков вытащил из сумки свежую рубашку, сбросил с себя трусы и, прикрывшись ладонью, как фиговым листком, прошел в ванную. Он действовал нарочито грубо, открыто – стилю, который он избрал в кафе, нельзя было изменять.

Быстро принял душ, сменил рубашку, вернулся в комнату. На его месте в кресле сидела Лариса, равнодушно рассматривала ногти. Джинсовая куртка Шаткова нетронутой лежала на сумке – как бросил он ее на сумку, так она там и лежала, рисунок складок не изменился. Нэлка гремела посудой на кухне – что-то готовила. Кажется, кофе. Точно, кофе – из кухни едва уловимо тянуло вкусным знакомым запахом.

– Ты какой институт окончила? – выкрикнул Шатков.

– Педагогический. А что?

«Не люблю вопроса: „А что?“, – подумал Шатков. – Есть в нем что-то неряшливое, полоротое, по-крестьянски безмозглое. „А что?“, „Чаво?“, „Да ничаво!“»

– А я думал – кулинарный техникум. Слишком вкусно

пахнет. Кофе, во всяком случае, не морковный.

– Как можно долларового клиента угощать морковным кофе?

– Давно не слышал, чтобы меня называли клиентом.

– А ты как хочешь? Пациент, пассажир, абонент, заказчик, подрядчик, абонемент? Что предпочтешь, а? Займи лучше Ларису!

Лариса неожиданно хихикнула, округлила глаза, Шатков понял, что эта молчаливая черноволосая – с примесью татарских кровей девушка – может смеяться над чем угодно, покажешь ей палец, и она будет хихикать над пальцем – такова у нее натура.

– Вы тоже из педагогического? – вежливо, на, «вы», спросил Шатков.

– Тоже, – Лариса быстро глянула на него и отвела глаза в сторону. Снова хихикнула.

– Ты что, ее щекочешь? – выкрикнула Нэлка с кухни. – Чего она у тебя хихикает?

– И работаете... педагогом? – Шатков мысленно выругал себя – разве можно задавать такие вопросы? Обвел рукой пространство, потом ткнул пальцем в гипсовые слепки. – Нэля человек талантливый, правда?

– Да, – тихим нежным эхом отозвалась Лариса. Шатков невольно погрустнел – будет ли голос этой женщины таким же нежным, когда он уснет и в квартиру беззвучно войдут двое амбалов?

Минуты через три появилась Нэлка, неся резной поднос с тремя черными обливными чашками и блюдцем, на котором тесно гнездились крохотные бутербродики с сыром и колбасой.

– Твоя чашка – вот, – показала Нэлка Шаткову на чашку, находящуюся у нее под рукой, – я тебе чуть покрепче сделала – ты мужчина, тебе можно, – а нам с Лариской чуть послабее... Бери.

У Шаткова перед глазами мигом зажегся красный предупреждающий огонек – не подмешала ли чего Нэлка в кофе? Он снова обвел пространство рукой, специально задержался на гипсовых слепках.

– У вас, Нэля, самая удивительная квартира из всех, которые я когда-либо видел, – сказал он вежливо. Нэлка, радостно улыбнувшись, заскользила глазами вслед за его рукой, остановилась на гипсовых слепках. Шатков взял чашки с подноса и поставил на стол. Ту чашку, которую Нэлка приготовила для него, он поставил перед Ларисой.

– Есть коньяк, есть водка, есть ликер, – сказала Нэлка. – Что будем пить?

– Мне немного коньяка, – попросил Шатков.

– Ликер!

– И я – ликер. Что-то на сладкое потянуло, – игриво произнесла Нэлка. – С чего бы это? А, подружка? – Она потребила Ларису за плечо, разлила ликер по крохотным, украшенным серебряным кантиком стеклянным стопкам, доста-

ла бутылку коньяка, налила Шаткову. Его стопка тоже была крохотной, ликерной.

– Я из наперстков не пью, – сказал Шатков.

– Что так?

– Детская посуда.

– Гордость не позволяет?

– И гордость не позволяет тоже.

Нэлка налила Шаткову коньяка в стакан, с интересомглянула на гостя, словно бы хотела засечь в его лице что-нибудь порочное, темное. Шатков усмехнулся.

– Посмотри, посмотри на мое честное открытое лицо! – сказал он.

Вместо ответа Нэлка подняла свою крохотную стопочку.

– Будем! – произнесла она по-мужски. – За то, чтобы завтрашний день был не хуже нынешнего.

Выпили, потом опустошили чашки с кофе. Лариса вдруг, не стесняясь Шаткова, зевнула.

– Приустала я сегодня что-то...

– Да ты что, подруга? У нас же гость!

– Сегодня я не в форме.

– Вот те раз! – Нэлка бросила быстрый взгляд на Шаткова. – Ты уж извини нас. Любовь втроем может не получиться! – Повысила голос, потерев плечо за плечо: – Что с тобой, Ларис?

– Не знаю, ничего не знаю-ю, – вяло протянула Лариса. – Глаза слипаются, тело чужое, ничего не хочется делать, ни-

кого не хочется любить... Спать хочется, — она вновь зевнула и закрыла глаза.

«Один — ноль, — удовлетворенно отметил Шатков. Все было правильно: его хотели опоить, лишить долларов, лишить родных деревянных тугриков и в чем мать родила отволочь на берег моря. — Такие девушки, как Нэлка с Ларисой, мне и нужны».

Важно только, чтобы Нэлка не догадалась, что он поменял чашки. Нэлка гневно сощурила свои светлые глаза, лицо у нее сделалось узким, темным, она с досадою ударила кулаком о кулак.

— Ты же не спать сюда пришла, Лариса! — голос у Нэлки стал трескучим, мальчишеским.

— Спать, только спать... — вяло пробормотала Лариса и отключилась.

Шатков взял бутылку коньяка и, не спрашивая разрешения Нэлки, налил себе, выпил.

— Вот чертовка! — в сердцах воскликнула Нэлка, добавила несколько резких слов. Слова были матерными, никак не вязались с нежным обликом Нэлки.

— Хороший напиток! — похвалил коньяк Шатков. — Сейчас такого не найдешь. Кончились те времена.

— Из старых запасов, — пояснила Нэлка. — Можешь налить себе еще.

— Не откажусь. — Шатков улыбнулся, снова налил себе коньяка в стакан, потом, подумав, перелил в стопку: — Проведу

эксперимент, выпью из стопки.

– Ты же не любишь пить из стопок.

– Не люблю, – подтвердил Шатков, – мелкую посуду всегда хочется обернуть куском хлеба. Иначе из рук выскальзывает.

Им словно бы завладели некие иные силы, пришедшие неведь откуда – то ли из прошлого, то ли из будущего, – силы, которым Шатков должен будет подчинить самого себя, – всего, без остатка, – он будто бы сейчас перевоплощался, становился другим, – и в этом новом состоянии в нем на первое место должен был выдвинуться зверь – да, именно зверь с его обостренным чутьем, с бесшумной походкой и кошачьими мягкими повадками – если Шатков не станет таким, он проиграет не только свое дело, проиграет самого себя...

– Может, еще кофе? – предложила Нэлка.

– Спасибо, я кофе пью мало, – отказался Шатков. – Сегодня я принял недельную норму кофе, это перебор.

Нэлка заметно поскучилась. Шатков потянулся к ней и, едва касаясь пальцами, погладил по плечу.

– Я тоже, как и твоя подружка, притомился что-то, – сказал он и прикрыл рот рукой. – В природе, похоже, что-то происходит... – он заметил, как посветлели, сделались обрадованными глаза у Нэлки: он допустил просчет, и Нэлка засекла это. Впрочем, какой просчет? Никакого просчета. Он ведет себя так, как вел бы любой богатый клиент – особенно

долларовый. А долларовые клиенты, они – капризные.

– В природе сплошные дыры, – сказала Нэлка, выпрямляясь, – вместо космоса – рванье, образованное крупными летательными аппаратами.

– Да ну?

– Это я в газете вычитала. – Нэлка подошла поближе к Шаткову и прижалась к нему бедром. У того на минуту шевельнулось что-то в душе – не железный же он, а обычный, такой же человек, как и все, – мясной, костяной, сработанный из нервов, жил и прочей плоти, – он с грустью посмотрел на себя со стороны и в ответном движении потянулся к Нэлке.

Время убыстрилось. Шаткову было слышно, как где-то за стеной, совсем рядом, суматошно застучал часовой маятник – «так-так-так», на несколько минут стих и снова застучал. Прислушиваясь к нему, Шатков неожиданно ощутил себя усталым, предельно выжатым, пустым, пусто было даже в голове, он потянулся, сбросил с себя одежду и лег на тахту. Накрылся пледом.

Нэлка легла рядом, положила голову ему на согнутый локоть. Голова ее была легкой, почти невесомой, словно Нэлка была не женщиной, а ангелом небесным.

– А ты сильный, – прошептала она. Губы у нее были безвольными, слипающимися. – У тебя сильные мышцы...

Он не ответил.

– Ты спишь? – также шепотом, правда, чуть более гром-

ким, чем в первый раз, спросила Нэлка.

Шатков не ответил, и тогда Нэлка осторожно опустила ноги на пол, выбралась из-под одеяла, внимательно посмотрела на Шаткова.

Тот даже не шевельнулся: у него был вид человека, уснувшего быстро и крепко, до самого утра – дыхание ровное, глубокое, чистое, никаких всхлипываний и храпа, сонного бормотания, вздохов. Нэлке захотелось даже погладить Шаткова, она потянулась было к нему рукой, потом остановила себя, встала с постели и на цыпочках прошла в прихожую. Открыла дверь.

Шатков сразу почувствовал, что квартира наполнилась людьми. Сколько их? Двое? Трое? Четверо? Чем больше – тем лучше. Только мешать друг другу будут. Он стремительно натянул на себя джинсы, сунул ноги в кроссовки, запечатал их липучкой – хорошо, что застёжки были на липучке, не надо возиться, – вновь накрылся пледом, превращаясь в безмятежно спящего человека.

Он лежал неподвижно до тех пор, пока не услышал шепот: – Хорош гусь! Развалился, как Ленин на Красной площади. Может, ему наволочку на голову накинуть?

– Тратить еще на него наволочку... Не надо.

Шатков чуть-чуть разжал веки – ровно настолько, чтобы через сжим увидеть белые плоские пятна лиц. Пришедших было двое – оба давешние, те, что сопровождали Нэлку с подружкой в кафе. Обычные качки. Сама Нэлка, приложив ру-

ку ко рту, стояла в проходе.

Когда первый качок приблизился к Шаткову, наклонился, Шатков, резко приподнявшись на тахте, накинул ему на голову плед и рванул к себе, подставляя под удар колено. Нападавший всем лицом, носом, ртом, губами насадился на колено, Шатков даже услышал, как у качка хрустнули кости носа – сломалась нежная перепонка, – отбил качка от себя ногой и снова рванул плед – несчастный во второй раз насадился на колено. Снова захрустели кости. Шатков отпустил плед, и нападавший кулем рухнул на пол.

Птицей слетев с кровати, Шатков прихватил по дороге стул, локтем задвинул Нэлку в проход, чтобы не мешала, – не то ведь дуреха может и хлебный ножик схватить, ткнул спинкой стула второму парню в подбородок, тот заорал, и Шатков, обрезая крик, буквально поднял его в воздух на стуле. Качок вытянулся, становясь на цыпочки, крик у него превратился в слабое жидкое бульканье, он замахал руками, вцепился в стул, пытаясь отдавить его от себя, но не справился – Шатков был сильнее этого неврастеника-двоечника, занявшегося не своим делом, и ему стало жаль качка, но Шатков тут же подавил в себе это подленькое, способное привести к гибели чувство – пожалеешь какого-нибудь мозгляка, а он потом вместо благодарности нож под лопатку всадит.

– Э-эгхэ-э! – хрипел, давясь воздухом и болью, парень.

– Ешь, ешь, – спокойно пробормотал Шатков, – ты сам этого хотел.

Парень дернулся, вывалил изо рта красный слюнявый язык.

– Вот когда язык станет у тебя синим, тогда и отпущу. – Шатков еще чуть приподнял спинку стула, выдавил из парня остатки воздуха. – Ну как, нравится? Я не спрашиваю, кто тебя сюда послал, это я и без расспросов знаю, но мне все-таки интересно, правду ты скажешь или нет? Кто? – Шатков чуть приослабил нажим стула, парень осел, втянул в рот язык. – Ну? – Шатков усмехнулся: – Может, мне тебя за уши к потолку прибить?

Вместо ответа парень поворочал головой из стороны в сторону.

– Что? Не хочешь говорить?

Парень умоляюще повернул голову в сторону, выразительно засипел – не могу, мол...

– Не можешь? Ладно. Охлонись тогда немного, – Шатков отжал стул, и парень кулем сполз на пол.

Шатков метнулся в коридор, в который он отшвырнул Нэлку. Нэлка стояла около двери, к которой был прибит писающий пластмассовый мальчик, беспомощно вытянув руки по бокам, тонкая, словно паутинка, какая-то надломленная. Глаза у нее, будто у блаженной, были закрыты.

Не задерживаясь около Нэлки, Шатков проскочил к двери, проверил, заперта ли она, выдернул из замочной скважины ключ, сунул в карман.

Бросил Нэлке, совсем не уверенный, в том, что она слы-

шит его:

– Так будет лучше.

Парень, которого он чуть не изуродовал стулом, по-прежнему лежал у стенки, с сипением втягивал сквозь сжатые зубы воздух. Оружия у него не было, это Шатков определил точно, а вот у первого, которому он расплющил лицо коленом, оружие было. Шатков сдернул с него одеяло. Кровяное пятно, расплывшееся на ткани пододеяльника, было внушительным, вызывало невольный озноб. Шатков откинул ногой одеяло в сторону. Лицо налетчика было превращено в фарш.

«Ничего, какая-нибудь другая Нэлка, не эта, мокрым полотенцем обработает физиономию, сотрет сопли, на недельку уложит в постель – все восстановится. Только нос кривым будет. В назидание... И за любовь к зелененьким».

Шатков, поморщившись, сунул ему за пазуху руку, вытащил новый, не потерявший еще синего вороненого блеска пистолет. Оттянул затвор – в стволе находился патрон, медный глазок капсюля недобро смотрел на Шаткова. «Как в Афганистане, на войне – „масленок“ загнан в дуло, – отметил Шатков, – для быстрой стрельбы. Видать, этот скот был в Афгане».

Шатков ощутил невольную досаду – он тоже был в Афганистане, а люди, побывавшие там, помечены особой печалью.

Отметил, что пистолет был засунут в подмышечную кобуру, сшитую из белой кожи, с белыми плечевыми ремешками,

а такие кобуры носят в милиции.

«В кармане у него должна быть запасная обойма, – подумал Шатков. – Если он действительно афганец, то без запасной обоймы ни за что не выйдет на дело. Запасная обойма – это как отличительный знак, без запасных обойм афганцы даже на улицу не должны выходить, это уже сидит в крови». Шатков похлопал по джинсам – вначале по одному карману, потом по другому, перевернул парня разбитой физиономией вниз, услышал за спиной булькающий звук – похоже, второго парня, увидевшего, во что превратился его кореш, начало рвать, Шатков на бульканье даже не обернулся, – в заднем кармане джинсов налетчика нашел вторую обойму.

«Точно афганец! – подвел он итог. – И чего тебя, бедолага, в банду занесло? Сидел бы лучше где-нибудь в ассоциации воинов-интернационалистов на припечке, распределял бы гуманитарку... Ан нет!»

Не только этот парень, много других афганцев – десятки тысяч человек пошли в услужение разным богатым людям, занялись делами, за которые раньше били по лицу, а некоторые вообще продались – как этот вот толстозадый деятель... ни дна ему, ни крыши!

Шатков сверил номер обоймы с номером пистолета – обойма была родная, номера сходились.

«Не реквизирует ли он этот штатный пистоль у какого-нибудь полоротого мусора? Вот страна зершлехтов! Есть страны зергутов, а наша же страна зершлехтов. Или, как го-

ворит один шибко мудрый деятель от литературы, – страна непуганых идиотов и вечнозеленых помидоров. И не дай бог, если того полоротого мусорка шлепнули. Тогда толстозадому – вышка!»

Он сунул пистолет под ремень штанов сзади, – как носил оружие в Афганистане, сверху прикрыл рубашкой, ухватил афганца за воротник, отволол в прихожую. Вернулся, потыкал носком кроссовки во второго налетчика.

– Ну? Сам на ноги поднимешься или помочь?

Парень вяло пошевелил одной рукой, потом приподнял голову, но не удержал ее на весу.

– Ясно, – сказал Шатков, ухватил его за воротник, рывком поставил на ноги. – Я же тебе сказал, что твоего шефа знаю, можешь его не называть... Хотя мне было интересно проверить... Николаев?

– Николаев, – вяло шевельнул губами в ответ парень.

– А эта сучка барменша – главный ваш локатор? Все наводит и наводит, никак устать не может? ПВО местного значения... Верно?

Парень беспомощно шевельнул вялым чужим ртом, в глазах у него отразилась тоска, такая тоска, что Шаткову даже сделалось жаль его – впрочем, не сообразил Шатков вовремя и не поменяй чашки с кофеем, жалеть бы пришлось его самого.

– Верно? – повторил он вопрос.

– Верно, – с трудом ответил парень.

Это надо же было так повезти: с лету попал в десятку – сам того не ведая, наугад, с закрытыми глазами... Да это даже больше, чем попасть в десятку – это все равно, что вслепую пробить пулей мелкую монету, подброшенную в воздух.

– Уходи! – сказал он парню. – Сам, на своих двоих уходи... Пока я добрый.

– Пушку все-таки отдай, – попросил парень.

– Не отдам. Это моя добыча. Боевой трофей!

– Ты даже не представляешь, что тебе будет, если не отдашь пушку.

– Очень даже хорошо представляю. Также хорошо представляю, что будет с твоим напарником. Как вы его зовете? Афганец?

– Мулла.

– Правильно. Только у мулл бывают такие жирные бабы задницы, больше ни у кого. Вот что будет с ним, я знаю хорошо. О такой книге, как Коран, он никогда больше не услышит.

– Отдай пушку, – начал канючить парень, – отдай...

Шатков, больше не говоря ни слова, вытолкнул его за дверь, хотел было закрыть ее, но задержался и показал пальцем на Муллу:

– Это дерьмо тоже заberi с собою. Понял? А пистолет я верну только Николаеву. Из рук в руки. Понял?

Глава четвертая

В чужих городах всегда кроется что-то грустное, древнее – оно проступает незаметно, исподволь: то в темных камнях неожиданно мелькнет устрашающе угрюмый лик средневекового воина, либо строгая иконная роспись, возникшая из спекшихся воедино разноцветных пятен, и тогда в голове невольно мелькнет мысль, что здесь когда-то была церковь и это место освящено, то на срезях старых скал из пыли и мелкой крошки вдруг проглянут очертания некогда грозной крепости... Тихая печаль возникла в Шаткове и при виде здешнего очень пустынного и очень синего, как в жаркие летние месяцы моря – ни одной лодки, ни одного кораблика, словно бы все умерло, и при виде деревьев с пожухлой рыжей листвой и сухих чопорных-старушек, одетых в черное, рассеянно фланирующих по набережной.

Иногда в их скорбно-тихой стайке появлялся какой-нибудь хмельной шахтер, толстый, как таймень, шалел от собственной непредсказуемости и избытка сил и начинал буяннить – слов шахтер не выбирал, для него все слова были одинаковы, и матерные и нематерные, и тогда старушки шустро прыскали от толстого тайменя, будто неповоротливые речные уклеи, в разные стороны. Всей стаей, и мясистому шахтеру вряд ли было дано догнать быструю стаю.

Шумел шахтер на набережной и в этот раз – щекастый,

с крутым по-молодежному коротко остриженным затылком, с крохотными заспанными глазками:

– У-у-у-у, э-а-а-а-а, м-мать т-твою!

Начал накрапывать дождик – совсем неуместный в эту пору. Старушки мелкой темной лавой устремились под навесы, зашелестели про себя:

– Дождь-то черныбыльский! – воскликнула одна из старушек. – Все волосы от него повылезают, а в желудке разведутся черви! – Хоть и много лет прошло с аварии на атомной станции, а Чернобыля боялись до сих пор.

Шатков свернул с набережной вверх, на горбатую, плохо заасфальтированную улочку, поднимающуюся к главной улице города, остановился у облупленной палатки с сельским некрашеным крылечком, – за стеклом палатки дружным рядом выстроились бутылки «хереса» целебного мужского вина: им, говорят, лечат предстательную железу. «Херес» был дороговат – не то, чтобы не по карману, а именно дороговат, когда человек сомневается, купить или не купить, и так сомневается до тех пор, пока не уходит из магазина пустой: купить – дорого, не купить – обидно... Шатков усмехнулся и двинулся по улочке дальше.

У взгорбка, обрамленного, словно мост, перилами, на самом громком месте города – здесь всегда сильно режут машины, идущие на подъем, громко режут даже малолучные легковушки, – находился городской отдел милиции.

Около входа, на маленькой бетонной площадке, стояли

три «канарейки» – желтых милицейских «жигуленка». Шатков задержался, постоял немного у угла, понаблюдал за горотделом – проверял ситуацию на опасность. Десять минут назад он сделал последний звонок Игорю Кононенко, – звонил несколько раз и перед этим, и телефон Игорька опять не ответил.

Площадка с «канарейками» была пуста. Но вот из двери показался разбойного вида сержант в фуражке, сдвинутой на казацкий манер набок, потянулся, зевнул и резво побежал по асфальтовому тротуарчику за угол. Потом вышел лейтенант, встретил худощавого горбоносого человека в штатской одежде, скрылся с ним в двери горотдела.

Следом появился капитан – городские милиционеры показывались на улице по старшинству, по восходящей, словно так было положено по уставу – вначале сержант, потом лейтенант, теперь вот капитан.

Шатков по тротуарчику двинулся к горотделу, стараясь, чтоб походка его была независимо-безразличной, как у всякого отдыхающего человека, у которого свободного времени целый мешок, а то, что не вместились в мешок, он ссыпал в карманы, – подошел к капитану. Тот, несмотря на сонный вид и треск за скулами, оставшиеся после зевка, остроглянул на Шаткова, ощупал его глазами. «Вполне профессионально, – отметил Шатков, – по-собачьи: если вцепится зубами, то отодрать можно будет только с мясом», – ощутил нехороший холодок под ключицами.

– Вы не скажете, товарищ капитан, где бы мне найти Кононенко? – стараясь, чтобы голос был ровным, безмятежным, спросил Шатков. – Он тоже, кажется, капитан, хотя в форме я его не видел.

– Зачем вам понадобился Кононенко?

– Вызывал он меня. Дал телефон, просил зайти.

– Нет Кононенко!

– Где же он?

– Забрали и увезли, – капитан усмехнулся, – в тартарары! – Отвел глаза в сторону, пояснил: – В областное управление. В черном воронке, как преступника. Понятно? А он тебя к себе вызывал, наверное, как преступника?

– Нет, как свидетеля, – сказал Шатков. – Ладно, вернусь, когда Кононенко вновь появится на работе.

– Ага, лет через пять, – капитан по-мальчишески закусил нижнюю губу – видать, понял, что говорил не то, повел головой в сторону: – Зайди к дежурному, он тебе все объяснит.

– О-о, это целая проблема – времени у меня в обрез, я и с Кононенко хотел договориться на следующий раз. – Шатков сдвинул рукав куртки, обнажая запястье – часов на руке не было, часы он оставил в сумке, улыбнулся виновато: – Вот вечная торопешка! Часы дома забыл. Или сняли? О-хо-хо! – Шатков побледнел. – Точно сняли... В магазине. Там, где «херес» продают. Вот нелады! Я сейчас, товарищ капитан! – Он развернулся и вприпрыжку понесся назад, нырнул за угол дома, вскочил в какой-то кривой старый дворик, вы-

ложенный булыжником, перемахнул через забор и очутился в сквере.

В этом городе было полным-полно мелких скверов – словно бы специально отведены места для свиданий, – среди акаций, лаврового кустарника, колючих зарослей неведомого Шаткову дерева.

Стояла скамейка и в этом сквере. Шатков забрался на нее с ногами, выглянул. Капитан растерянно отер рукой лицо, помял глаза, метнулся назад в горотдел, громко хлопнув дверью, потом показался вновь. За ним на улицу выскочило человек пять сотрудников в куцах, тесно сидящих мундирах – то ли партия форменной одежды поступила в горотдел мелкоростовая, то ли здорово раздобрили ребята на дармовых харчах, – бегом понеслись к углу здания, за который только что свернул Шатков. Капитан устремился следом.

– В магазин, где «херес» продают, туда! – прокричал капитан, мигом запыхавшись – голос у него сел в несколько мгновений: значит, вчера «принял на грудь» солидную порцию. – Он туда побежал, в магазин. Часы у него вроде бы сперли!

Милиционеры нестройно, как бегуны, выдохшиеся на длинной дистанции, вразнобой топая ногами, пробежали мимо, они хорошо знали, где что находится, где что продается, и тем более – магазин, в котором с утра торгуют «хересом» – хорошим вином, которое местные алкаши приравняли к бормотухе. Капитан, держась рукою за грудь, прошар-

кал следом.

«Надо же, – посочувствовал ему Шатков, – такой молодой и уже такой больной...»

Ни в палатке, ни в продовольственном магазине, расположенном на углу горбатой улочки – витринами к морю, – они Шаткова не нашли и, тяжело дыша, вернулись к зданию горотдела.

– Надо же, утек! – громко возмущался один из догонявших, белобрысый, розовощекий, со светлыми, невидимыми на лице бровями. – Когда же он успел?

– Тот, кто умеет – всегда успевает, – пробурчал капитан.

– А вы, товарищ капитан, приметы его не запомнили?

– Запомнил. Обычное невыразительное лицо. Ты же знаешь этих людей – они никогда не бывают выразительны и поэтому не запоминаются. Лобастый – видать, высшее образование имеет, глаза сердитые, голубые... нет, синие, сбоку на подбородке метка – то ли ожог, то ли финкой оставлена.

Шатков потрогал шрам на подбородке – заметил, значит, воевал сероглазый капитан – недаром он так цепко шурился, изучал Шаткова, что-то взвешивал про себя. Хорошо, что хоть вчерашние следы не заметил, ту же ссадину на лбу – следы эти Шатков тщательно заштукатурил.

– А одет как?

– Одежда тоже обычная – незапоминающаяся. Джинсы, по-моему... да, джинсы и джинсовая куртка. Рубаха в мелкую клетку – ковбойка тмутараканского производства. Еще

что?.. Волосы. Волосы темные, цыганистые. Роста высоко-го...

– Да с таким точным описанием мы сегодня же его и обра-таем, товарищ капитан. Интересно, чего ему от Кононенко надо было?

– С Кононенкой все, с Кононенкой покончено, эту фами-лию вообще не вспоминайте!

Дальше ничего не было слышно – по трассе, расположен-ной рядом, пошли машины, цепочка милиционеров втяну-лась в дверь горотдела, и Шатков покинул свое укрытие. На ходу сломил ветку акатника, пожевал ее зубами.

«Ну, насчет словить по слабеньким приметам, засечен-ным капитаном, это бабушка надвое сказала – попробуйте словите! Хоть и глаза капитан, но не настолько».

Чувствовал себя Шатков неважно – он очутился между двумя огнями: с одной стороны, местный рэкёт, а может, и больше, может – мафия, это еще предстояло выяснить, с другой – милиция, с третьей – он уже достаточно здесь на-воевался, намахался кулаками. Болела вчерашняя ссадина на голове, болели ободранные костяшки пальцев, внутри тоже что-то болело, ныло, словно бы Шаткову отбили легкие или почки. Но это были не почки и не легкие.

Шатков из одного скверика попал в другой – такой же ма-ленький, уютный, обсаженный густым акатником, с традици-онной скамейкой, потом в третий, выбрался на трассу около хлебного магазина, на витринах которого были намалеваны

на редкость неаппетитные булочки и калачи, прошел к автобусной остановке – к ней как раз подваливал перегруженный, скособоченный на одну сторону «скотовоз» – венгерский «икарус», невеста за какие грехи прозванный так нехорошо. Шатков втиснулся в автобус и через десять минут был уже далеко от горотдела милиции.

«Ищите – свищите, – усмехнулся он про себя, перебрал в мозгу лица милиционеров, пустившихся за ним в погоню, – я усы приклею, бороденку отращу и не найдете вы меня, как Луи де Фюнес не нашел Фантомаса. А Кононенко-то, Кононенко... – ему сделалось больно, когда он вспомнил об Игоре Кононенко, рот у него дрогнул. – Арестовали? За что?»

Шатков с досадою ударил кулаком о кулак – без Кононенко ему будет трудно разобраться во всем, что здесь происходит.

Он сошел с автобуса около какого-то кооперативного кафе без названия – яркие, написанные светящимися красками кооперативные вывески здорово отличаются от серых государственных, – без особого желания сжевал довольно мягкий шашлык с острой перечной подливкой, выпил стакан вина и, не ощущая ни сытости, ни голода, – будто и не ел вовсе, – вновь оказался на улице.

Из-за стоячих, будто деревенские дымы, облаков выглянуло беловатое, странно маленькое – чуть больше детского кулачка – солнце, тихо осветило округу и исчезло вновь. Словно бы и не было его. Сделалось тоскливо, внутри снова

возникла боль – нудная, затяжная. Надо было обдумать свои действия.

Через двадцать минут он был у Нэлки. Едва Шатков дотронулся пальцем до кнопки звонка, как дверь готовно распахнулась. Значит, Шаткова ждали и, вполне возможно, в квартире у Нэлки был гость. Шатков невольно усмехнулся. «То, что встречалось раньше, все эти толстозадые муллы с бабьими ужимками – ерунда на постном масле, а не гости. Да и не афганец этот Мулла, а ходячее недоразумение, его не то чтобы на дело брать, его даже на огород есть репу нельзя приглашать. В общем, бывшее – это семечки, Нэлкин гость – тоже семечки, хотя, может быть, в своей епархии он будет покрупнее Муллы».

Гость, вольно раскинувшись в кресле, держал обеими руками глиняное блюдо, на котором стояла чашка, аккуратно отхлебывал из чашки, снова ставил ее на блюдо.

– Ну вот, явился наконец, не то я уж думал, не отправить ли милицию на поиск – уж больно долго ты гулял. Город наш хоть и большой, хоть и раскидан по горам, по долам, а нашли бы тебя быстро.

«Болтун, – определил Шатков. – Больно много говорит, а в основном все это ничто».

– Чего в городе делал-то? – поинтересовался гость.

– Обедал!

Гость был щедрушен, аккуратен, носил редкую козлиную бородку, придававшую его лицу неопрятный вид.

– Значит, обедом угощать не надо?

– Не надо, – резко произнес Шатков.

– Це-це-це, – процецекал с иронией гость.

– Це-це-це-це! – поцецекал Шатков, передразнивая его. –

Я же сказал, что говорить буду только с Николаевым. А ты – шестерка! Твоя кличка – Винт?

Лицо у козлобородого изменилось, сделалось жестким – нет, не верно, он не был шестеркой, был семеркой, в подчинении у него находилось две-три шестерки. Может быть, даже и Мулла, у которого Шатков отнял пистолет, и точно ведь Мулла. Шатков отнял оружие у подчиненного, а старшой, начальник, бишь, – человек с козлиной мочалкой на подбородке, пришел выручать и его, и самого себя: пушка-то денег стоит, за пушку Николаев по головке не погладит, вполне может за пистолет открутить пару необходимых в жизни мужчины деталей.

Нэлка издевательски рассмеялась:

– Я же тебе говорила!

– Правильно, – сказал Шатков и предупредил на всякий случай козлобородого: – Чашечку на стол ты даже поставить не успеешь!

Козлобородый нервно дернул щекой, аккуратно поставил чашку на стол, произнес довольно спокойно:

– Вот, чашку я поставил... И что дальше?

– Дальше то, что с тобой говорить я не буду.

– А с кем будешь?

– С Николаевым.

– И пушку вернешь только Николаеву?

– Догадливый! – Шатков постарался, чтобы в его голосе прорезались восхищенные нотки.

Козлобородый на эти нотки никак не отреагировал и тогда Шатков сказал:

– Пушка – это предлог. К Николаеву у меня есть дело. Из Москвы.

– Понял! – лицо у козлобородого чуть отмякло, жидкое железо, натекшее было в глаза, истаяло, но настороженность не исчезла, козлобородый был начеку. Шатков тоже не дремал – он также был начеку. Козлобородый отер рукой рот, помял пальцами губы. – Ладно. Я передам!

– За пушку не беспокойся, – сказал Шатков. – Пушка не пропадет. Послужит либо вам, либо... мне. – И видя, что козлобородый свел брови вместе (на лице его возникла боль, будто козлобородый попал в смертельный капкан), Шатков понял, что находится на верном пути и проговорил медленно, чтобы каждое слово дошло до козлобородого: – Мне нужна встреча с Николаевым, понял? Искать меня не надо, я сам объявлюсь здесь, у Нэлки. Вся связь через Нэлку.

Нэлка не удержалась, фыркнула:

– Не хочешь ли ты сделать из моего жилья конспиративную квартиру? Где Ленин с Марксом встречались. – Выругалась, адресуя свою ругань сразу к обоим: – Вот козлы!

– Помолчи! – приказал ей козлобородый.

– Ох, как я испугалась сухого начальственного тона. Может, ты еще и пристрелишь меня?

– Может, и пристрелю. На пару с хахальком. – Лицо козлобородого сделалось жестким, будто отлитым из металла, он потянулся было рукой, к карману, но Шатков опередил его, сунул руку в куртку, натянул ткань стволом пистолета и предупредил:

– Поменьше резких движений. Я все равно окажусь быстрее.

Козлобородый нехотя положил руки на колени.

– Что еще, кроме того, что ты просишь о свиданке, передать Николаеву? Может, букет цветов?

– Купи на улице и передай. Можешь сделать это от моего имени. – Шатков, натягивая куртку еще больше, ткнул стволом пистолета в сторону козлобородого: – А теперь вон отсюда.

Козлобородый молча поднялся и вышел из квартиры.

– Лихо, – восхитилась Нэлка, – очень лихо! – Потом озабоченно потерла пальцами виски: – Это что же, ты у меня жить собираешься?

Шатков в ответ усмехнулся:

– Разве я тебе не говорил, что мне моя жизнь дорога? Нет, ни селиться, ни жить я здесь не собираюсь. Стоит мне один раз забыться легким сном, как сон этот может оказаться последним. Не правда ли, детка? – Шатков пальцем пощекотал Нэлке подбородок. Вульгарный жест, Шатков и без

подсказки знал, что он вульгарный, поэтому так и поступал.
Нэлка снесла это терпеливо.

Ближе к вечеру, уже в шестом часу, Шаткова повезли к Николаеву – на «жигулях» приехали двое парней, тех самых, что нападали на него около телефонной будки. Шатков сжался было, собрался в кулак, готовясь к очередной драке, но на лицах приехавших возникли виноватые, совершенно одинаковые улыбки, и Шатков с облегчением понял: драки не будет, у этих парней есть указание вести себя мирно. Значит, просьба его до Николаева дошла.

– Ну, поехали к начальству, раз просился, – сказал один из парней.

Молча, подхватив свою сумку, Шатков направился к двери.

– А заплатить? – воскликнула Нэлка. – Кто за тебя будет платить?

– Я ведь еще собираюсь вернуться. Можно, заплачу потом, за все сразу?

– Деньги сейчас!

Шатков остановился, достал из кармана две стодолларовых кредитки и, поплевав на них, прилепил к стенке.

– Этих баксов пока хватит? А? Аванс!

Город затих, на улицах почти не было людей, носились только шустрые машины – что-то в городе изменилось, изменилось почти неуловимо, а вот что именно, Шатков не по-

нял, отметил только это странное, словно бы перед боем изменение.

Машина вскарабкалась на гору, стала вилять по кривым татарским улочкам, устланном старым камнем, здесь, на высоте, здорово пахло морем – внизу этот запах был едва приметен, а тут от него начало остро пощипывать ноздри, само море, серое, железно-тяжелое, находилось совсем рядом, под улочками, под домами, под крутой, со сползающей в воду горой.

Из черты города они не выезжали, крутились все время по улочкам, ничего общего не имеющими с сельскими и, когда остановились у железных, обвитых цепким плющом ворот, Шатков подумал, что пешком они добрались бы гораздо быстрее, чем на машине, – слишком по-дурацки было спланировано здесь движение, кому-то совсем не было жаль государственного и частного бензина, сработанных колес, стертой резины, убитого времени – все это было бездарно брошено псу под хвост.

В воротах приоткрылся глазок, замаскированный плющом, кто-то глянул в него, и ворота со скрипом разжали свои створки.

Территория, занимаемая Николаевым, была большой – можно был кататься на грузовике. В глубине, среди абрикосовых деревьев, стоял новый, с двумя теремными башенками дом.

Сопровождающие всю дорогу молчали, даже одним сло-

вом не перекинулись. Боялись выдать какой-нибудь секрет?.. У кого же есть замечательная фраза про дом и деньги? У Экзюпери, что ли? Если вы скажете взрослым, что видели во сне дом с двумя деревянными башенками с зеркальными стеклами и красной черепицей на крыше, они промолчат, но, когда вы скажете, что видели во сне дом, который стоит двенадцать миллионов франков, они воскликнут: «Как же это красиво!»

– А смотри, глаза не сверни! – предупредил Шаткова охранник – квадратнолицый парень в кепке с надписью «Феррари» (видать, не равнодушен был «сундук» к гоночным машинам этой марки). – Иди вон туда! – он ткнул рукой вправо, где стояла старенькая, темного дерева сторожка с длинным виноградным навесом, огороженная низким аккуратным штaketником. Добавил раздраженно: – Вояка, гола срака! Если бы к тебе послали не Муллу, а меня, ты бы по земле уже не ходил. В лучшем случае смотрел бы на мир через собственную задницу.

Шатков вопросительно глянул на толстяка в кепке «Феррари».

– Мулла – мой друг, и тебе придется за него расквитаться, – сказал толстяк.

– Хорошо, – довольно равнодушно произнес Шатков.

Слева от ворот тоже находилась сторожка – поновее, покомфортнее, побольше первой, к ней вела дорожка, выложенная из аккуратных, с орнаментом, бетонных плиток (к

правой сторожке вела обычная земляная тропка).

За оградкой на обычном деревянном чурбаке сидел добродушный дядечка с круглым улыбающимся лицом, одетый в шерстяной спортивный костюм темрюкского, либо бердичевского производства, в кедах, с обтрепавшимися резиновыми накладками. Из распаха трикотажной куртки выглядывала старая, с застиранными обесцвеченными полосами тельняшка, на голове косо сидел синий берет, украшенный кокетливым хвостиком. Шатков протянул дядечке руку:

– Игорь!

Дядечка приподнялся на чурбаке, церемонно поклонился:

– Адмирал! А в быту – Лев Семенович Петряков, – пожал руку Шаткову. – Присаживайтесь, молодой человек, в ногах правды нет.

Говорил Адмирал по-старомодному вежливо, интеллигентно – в нем вообще чувствовался интеллигент со стажем – не первого и даже не второго поколения, у этого человека и отец, и дед, и прадед были интеллигентами.

Под навесом у Адмирала стоял цветной японский телевизор. На застеленном чистой клетчатой скатертью столе – магнитофон с двумя колонками, компьютер с маленьким экраном; на щите, к которому примыкал стол, висели три застекленных книжных полки, полки были битком набиты книгами – книги, книги, книги... По судовождению, эксплуатации яхт, штурманскому делу, сборник стихов африканских поэтов, три детектива, томики Кнута Гамсуна, Есенина, Си-

монова, Ремарка, Хейли, еще каких-то писателей, чьи имена были неведомы Шаткову, разброс был большой и неожиданный: ну никак Симон Пупков не мог состязаться в литературной значимости с Джоном Стейнбеком или Марселем Прустом.

Адмирал проследил за взглядом Шаткова и, словно бы прося извинения, приложил руку к груди:

– Не удивляйтесь этому! Я слежу за всем, что происходит в литературном мире, и новые, даже кооперативные, палаточные, что, как «сникерсы», взяты в кавычки, имена на меня не действуют отпугивающе. Потому у меня рядом с Прустом стоят Иван Голенищев и прозаик по фамилии Мелкосекомов. Я должен сам прочитать каждую книгу, понять автора или попытаться понять его, если он очень сложный, а потом уж определяться.

Под стеклом одной из полок находилась большая, четко отпечатанная фотография капитана первого ранга с биноклем на груди и шестью рядами орденских планок, пришпиленных к черному форменному пиджаку. Над планками красовалась звездочка Героя Советского Союза.

– Это вы? – неверяще спросил Шатков.

– Я, – спокойно подтвердил Адмирал.

Что-то не состыковывалось в этом мире, либо все перевернулось, встало с ног на голову, и Шатков не может ничего понять, – бандит Мулла, шкаф в кепке «Феррари», рэкетир в джинсовой форме и Герой Советского Союза с манерами

старого дворянина... Где правда, а где ложь, где черное и где красное? И чтобы понять, где черное, а где красное, вовсе не обязательно обращаться к Стендалю...

– Ради бога, не пугайтесь моего зверинца, – попросил Адмирал, когда к Шаткову приблизилось какое-то странное полууродливое-полупрекрасное существо с толстыми кривыми ногами, красными надутыми щеками и странным, будто у удода хохолком на голове, который то поднимался, дыбился грозно, то, напротив, трусливо опускался.

Шатков поспешно отступил на шаг.

– Не бойтесь, это Ваня, – сказал Адмирал. – Он пришел к вам специально, чтобы поздороваться.

– Ваня, Ваня... – смятенно пробормотал Шатков. – А кто он, собственно? Что за порода?

– Даже не знаю, как будет правильно. То ли индоутка, то ли уткоиндюк. В общем, помесь утки и индюка. У меня их две, приятель привез из Донецка, самец и самка – семья, ячейка, основа общества, как любили в прошлые времена говорить на пленумах райкомов партии. Муж Ваня, жена Феня, живут душа в душу, идеальная пара.

– Странно, очень странно – никогда же не видел таких зверей, – вновь смятенно пробормотал Шатков, ему все еще казалось, что он путает реальность с одурью.

Ваня, словно бы почувствовав смятение Шаткова, грозно зашипел, распушил брылья и смешно, по-утиному мелко задергал индюшачьим хвостом. Шатков отступил от Вани еще

на шаг: шут его знает, что таится на уме у этого Вани? Комплекции он немаленькой – хоть и меньше индюка, но зато в два раза больше самой крупной утки.

– Перестань, Ваня! – попросил Шатков.

Ваня послушался человека и перестал шипеть.

– Природа не терпит искусственных смесей, – сказал Адмирал. – Тело у Вани вон какое большое, но он никогда не лезет в драку. В силу своей конструкции опасается. На земле он очень неуклюж и, скорее всего, подходит для моря, но я даже не знаю, умеет Ваня плавать или нет – моря он боится как огня – просто смертельно. Вот животное! Наверное, он больше всего подходит для жаркого.

Ноги у Вани были узловатые, как корни, чешуйчатые, костистые, толстые, кривые – типичные индюшачьи ноги, но между пальцами имелись утиные перепонки. Глаза холодные, белые – также индюшачьи, неутинные, и голова тоже индюшачья, а вот клюв – утиный. Шипение – индюшачье, брылья и щеки – тоже индюшачьи, а походка – утиная, неуклюжая, вперевалку. Наверное, Ваня никогда не сможет бегать так, как бегают индюк.

– Но обратите внимание на характер! Утка ведь никогда не подходит к человеку, не шипит на него – она боится человека, индюк же, наоборот, сам набегает на человека, злится, может даже напасть... А наш славный Ваня? Сам, извините за выражение, подвалил – вроде бы познакомиться, познакомился и зашипел недовольно, как индюк, но в следующий

миг повел себя, словно утка, – напасть не посмел. И внутри у него собрано, наверное, что-нибудь странное – один орган от утки, другой от индюка, третий от гуся, четвертый вообще еще от кого-нибудь, совершенно незнакомого, науке неведомого. Одно слово – Ваня!

От Адмирала исходило ощущение домашности, уюта, он здесь при Николаеве наверняка был чем-то вроде садовника... А может, он родственник Николаева? Опять не состыковывается: Герой Советского Союза и жестокий хладнокровный Николаев, на которого Шатков имел целую папку компрометирующего материала. Надо полагать, и убитый комитетский полковник, засунутый в канализационный сток, и два утопленных угрозыска – их замотали в рыбацкую сеть, скрутили проволокой, к ногам привязали два старых чугунных радиатора и опустили в море, и задушенный американский бизнесмен, а главное – уплывающее отсюда в разные края оружие – дело рук Николаева. Все сходится к нему. Но все подвисло – никаких доказательств нет...

– Давно из Москвы? – спросил Адмирал.

– Вы даже знаете, что я из Москвы? – Шатков потянулся рукой к Ване, тот зашипел и боком, боком, не желая неприятностей, отодвинулся от Шаткова.

Шатков почему-то думал: то, что положено знать Николаеву, не положено знать садовнику, даже если он – Герой Советского Союза, но... У всякого правила есть исключения.

– Простите, но звать вас Адмиралом мне неудобно, – ска-

зал Шатков.

– Почему?

– Ну-у... как-то так, – Шатков приподнял одно плечо. – Можно я вас по имени-отчеству буду звать. Львом Семеновичем?

– Зовите лучше Адмиралом, я к этому привык. Все так обращаются, и вы обращайтесь. – Голос у Адмирала неожиданно сделался грустным, по-старчески дребезжащим, чужим. – А на все мои цацки, – Адмирал хлопнул себя рукою по груди, намекая на ордена и высокое звание, – наплюй. Все это в прошлом, все ушло, сейчас я – обычный пенсионер. В свою очередь, у меня просьба: можно на «ты»?

– Конечно.

– К этому я привык на флоте, а всякая привычка – это вторая натура.

– Из Москвы я прилетел позавчера, – сказал Шатков.

– И сразу попал в передрагу?

И это знал садовник по кличке Адмирал – Шатков вновь подивился тому, что пенсионер в незатейливом спортивном костюме в курсе того, чего он не должен был знать – может, он прочитывает информацию по взгляду Шаткова, по усталой позе, по тому, как тот тянется рукой к страшноватому Ване, или, может, Адмирал – обыкновенный ясновидящий? Адмирал улыбнулся открыто, по-доброму, сделал рукой успокаивающий жест:

– Ты меня не бойся!

– Да, сразу попал в передрагу, – подтвердил Шатков и, немного подумав, рассказал Адмиралу и про драку у телефонной будки, и про то, как его пытались накрыть на квартире у Нэлки, – в общем, про все, что с ним произошло. Он почему-то поверил Адмиралу – все равно ему надо было выходить на людей, которым он должен верить, это, во-первых, а во-вторых, все его подвиги, начиная с потасовки у будки, кончая переговорами с козлобородым, известны Николаеву.

Да и скрывать их – не в интересах Шаткова. Поскольку Кононенко арестован, то тактику надлежало менять – Шатков должен был сейчас засветиться до предела, пусть все увидят его, заметят, покажут пальцем – вычислять, мол, вот он, – и клюнут, как рыба на хорошую наживку...

– Для Николаева ты – человек с улицы, – выслушав Шаткова, заключил Адмирал. – Ни рекомендаций у тебя, ни поручительств – нич-чего! Я не спрашиваю, с чем ты приехал из Москвы, не мое это дело, но Николаев может поступить с тобой и так и этак – может принять тебя, а может завернуть в сеть, к ногам привязать груз и швырнуть в «набежавшую волну».

«Так были убиты два милицейских розысника». – Шатков угрюмо смотрел на Ваню, который, кротко подергивая хвостиком, снова начал подбираться к нему.

– Ну, если он бросит меня в «набежавшую волну», то упустит, как минимум, несколько сот тысяч зелени, – сказал Шатков.

– Я в вашем новомодном языке ничего не понимаю, – строго проговорил Адмирал. – Зелень – это что?

– Это доллары. Еще их баксами зовут. Штука – тысяча, лимон – это миллион. И так далее.

– Тогда это серьезно. Николаев – не из тех людей, которые идут на такие потери. Впрочем, не мне судить. – Адмирал закричал, сделался суетливым, Шатков понял, что в разговоре они коснулись темы, которой Адмиралу было запрещено касаться, потому Адмирал и засмутился, отогнал рукой Ваню: – Ваня, тебе пора к жене! Вторая половина тебя, наверное, уже потеряла. Бросит тебя, выйдет замуж за другого, будешь тогда кричать. – Поднял голову, глянул сожалеюще на Шаткова: – А ты, парень, Николаева бойся. Он, когда говорит с человеком, текст сличает с подтекстом, его невозможно обмануть.

– Простите, не понял...

– У человека, кроме того, что он говорит, кроме речи есть еще второй план общения, подтекст, и по тому, как он произносит слова, с каким выражением, как выговаривает буквы, где держит руки – в карманах или на столе, – можно понять больше, чем говорит человек, и уж, во всяком случае, правду отличить от неправды. Николаев этим очень умело пользуется – освоил в совершенстве, имей это в виду.

– Спасибо за предупреждение.

«Мне здесь надо находить своих людей, хотя бы одного, – угрюмо думал Шатков, – хотя бы одного... И почему бы этим

одним не стать Адмиралу? Но не слишком ли? Вот так, сразу, с бухты-барухты? С другой стороны, это обычная прикидка, для того чтобы принять решение, придется еще сто раз взвесить, двести раз примерить. Пока ясно одно – Адмирала надо взять в разработку. Эх, помощника бы мне – очень не хватает помощника!»

– А окончил ты что, какой институт? – неожиданно спросил Адмирал.

– Автодорожный.

– Хороший институт, – похвалил Адмирал. – Значит, машину умеешь не только водить, но и чинить.

– Могу и чинить.

– А водишь с чувством и с толком, когда надо – можешь устроить показательные гонки... Можешь?

– Могу и гонки, все могу, лишь бы заказы были, – угрюмо, неожиданно войдя в какое-то странное оцепенение (ну, будто бы попал под гипноз), ответил Шатков.

– Ежели что – в Москве тебя поддержать сумеют? – Адмирал склонил голову набок, посмотрел, как с крыльца прыгнул толстяк в ночной кепке, зашагал по тропке к его закутку – шаг толстяка был неумелым, слишком громким, и Адмирал невольно поморщился – не умеет ходить по палубе человек. – Рекомендатели, так сказать, есть? Я все боюсь, как бы этот... – Адмирал повел головой в сторону особняка. – Как бы этот не стал лютовать...

– Насчет рекомендателей, как и вообще насчет прикры-

тия, не знаю, – тихо и спокойно произнес Шатков. – У нас ведь как: каждый человек – сам себе прикрытие.

– Неверно, – строго заметил Адмирал, – это прямая дорога в кусты. Знаешь такую пословицу: либо грудь в крестах, либо голова в кустах?

– Пошли, – строго сказал толстяк Шаткову. – А ты, Адмирал, чего выюноше мозги морочишь? Он и так уже весь посинел от страха. Да и не понадобятся ему твои советы – ты опоздал. – Толстяк захохотал, сдернул с головы кепку и изнанкой вытер лоб.

Пока шли к дому, Шатков косил глазами то влево, то вправо, засекая все, что видел – вдоль забора была проложена проволочная спираль, высокая, частая, в которой мог запутаться не только человек – запутается даже трактор, к дому был пристроен навес, под которым стояло две иномарки, сзади был выезд – туда могла уйти машина, находящаяся в гараже под домом. «Гараж под домом... Сколько же там машин? Гараж – это и подвал, и склад, и тир...» Больше Шатков не успел ничего заменить – слишком коротким был проход от хозяйства Адмирала до дома Николаева.

У входа, внутри, стоял охранник – человек с железным лицом и маленькими тускло-серыми умными глазами, он цепко глянул на Шаткова и кивнул головой толстяку: «Проходи!»

На стене в прихожей висели пятнистые олени шкуры, на второй этаж вела лестница, застеленная безукоризненно чистой ковровой дорожкой малинового цвета. Где-то далеко,

очень приглушенная, играла музыка. Шатков прислушался – музыка была из тех, что хватает за душу, щемяще-грустная, романтическая. Такую музыку Шатков слышал в баре торгового центра.

Толстяк начал осторожно, словно бы боясь продавить деревянные ступени, подниматься на второй этаж, Шатков – за ним.

У двери, во всю длину которой, сверху донизу, было врезано толстое, обработанное под «мороз» стекло, толстяк остановился и осторожно звякнул пальцами по стеклу:

– Можно, Николай Николаевич?

Что ответил Николай Николаевич, Шатков не разобрал, толстяку же оказалось достаточно того, что он услышал, он еще раз скребнул пальцами по стеклу и толкнул дверь. Боком втиснулся в кабинет, Шатков также боком втиснулся следом – словно бы сработал закон стаи, стада, подчиненности одному движению: если один идет боком, то и остальные идут боком.

Кабинет, в который попал Шатков, был богатый. На паркетном полу лежала огромная медвежья шкура – такие редкие экземпляры, как знал Шатков, водятся только на Камчатке (значит, имеет хозяин и там своих людей), одну стену украшал камин, обложенный розовым мрамором, около камина стояло глубокое кожаное кресло, рядом с ним – до блеска надраенная бронзовая ступа с каминными инструментами, висело несколько картин – пейзажи и натюрморты,

живопись была без современных заскоков, без зауми, вполне реалистическая и, похоже, принадлежала кисти одно и того же художника; два стеклянных шкафа – на противоположной от камина стороне, – были забиты книгами, книг было много; за широким и длинным, на котором можно было кататься на велосипеде, столом, сидел сухощавый, с четким рисунком лица и волевым ртом человек в золоченых очках и внимательно смотрел на Шаткова. «Николаев», – понял тот.

У ног Николаева лежала большая, тяжелоголовая овчарка, также внимательно, без зла и настороженности, смотревшая на Шаткова. Толстяка для нее вроде бы не существовало вовсе.

– Ты можешь быть свободен, – сказал владелец кабинета толстяку.

Толстяк испуганно – Шаткову показалось, что именно испуганно, – поклонился и так же боком, как и вошел в кабинет, выбрался из него.

– Ну? – произнес Николаев, когда толстяк покинул кабинет.

Шатков неторопливо вытащил из кармана пистолет, боковым зрением засек, как напряглась и сделалась злой овчарка, перехватил пистолет за ствол и положил на стол Николаеву.

– Ваше имущество?

– В первый раз вижу, – сказал Николаев.

– Тогда чего разговор со мной вели от вашего имени?

– Стоп-стоп-стоп! – Николаев придавил ладонью какую-то бумагу на столе. – Ко мне, знаете ли, надо обращаться очень уважительным тоном.

– Хорошо. Если что не так – прошу извинить. – Шатков угрюмо наклонил голову, будто школьник, которому надлежало выслушать нотацию, а нотаций он не любит. – Я ведь добивался встречи с вами не для того, чтобы ругаться.

– Встретиться тебе со мной все равно пришлось бы. Так или иначе. Слишком много следов ты нарисовал. На мокром берегу оставил очень хорошие отпечатки.

Шатков не ответил, достал из кармана запасную обойму, также положил на стол. Николаев едва приметно поморщился, в глазах у него появилось что-то опасное, Шатков это засек и быстро произнес:

– Вам привет от Федора Федоровича.

Николаев чуть привстал в кресле, но в тот же миг опустил-ся, лицо его сделалось удивленным, хотя опасный железный блеск из глаз исчез.

– Какого цвета бывает лотос по пятницам? – довольно сухо спросил Николаев.

– Пятница – это завтра, сегодня – четверг.

– Какого цвета бывает лотос по четвергам?

– В четверг лотос имеет фиолетовый цвет.

– Верно, – произнес Николаев и недоуменно покрутил головой. – Так какого же черта? А если бы я дал команду убрать тебя?

– Вряд ли. Я оказался слишком интересен для вас – не вписался ни в одну из конструкций.

– Ерунда, – пренебрежительно произнес Николаев, – стоило только чуть дать волю эмоциям, – и ты бы давно уже загорал, лежа в одной из канализационных труб.

«Подполковник КГБ тоже был найден в канализационном стволе», – отметил про себя Шатков.

– Правильно, – довольно равнодушно согласился он вслух, достал из кармана один патрон – тот, который находился у Муллы в стволе. Пояснил: – Последний. И вообще последнее, что есть у меня из оружия. А один патрон в записке – это афганская привычка.

– Все это – слюни, изюм, выковырнутый из манной каши. Теперь рассказывай обо всем по порядку, что случилось с курьером?

– Курьера нет. Лежит в морге Второй градской больницы в Москве, к ноге привязана бирка с номером десять шестьдесят семь.

– Что случилось?

– Случайно угодил в разборку. В кафе на Патриарших прудах. Из «Калашникова» ему снесли полголовы. Все, что надо было передать генералу, он передал. Успел.

– Царствие ему небесное, исполнительный был парень... Тело из морга забрать нельзя?

– Пока нет, следят мужики с Лубянки. Наши скоро его заберут. Лубянка все равно не уследит, у них дел полно и без

того. В крайнем случае подмажем маслом. Генерал сказал, что, если понадобится доставить тело самолетом сюда, он даст такую команду.

– Похоронить можно и в Москве. Здесь у него никого нет. Но... – Николаев кончиками пальцев пощипал нижнюю губу, – взглянуть на тело не мешало бы. Как же он угодил в разборку-то? Вот дурак!

– Генерал считает – случайно. Зашел перекусить в кафе, как мог зайти в любое другое место. Это как кирпич с крыши на голову.

– Двух человек я пошлю на опознание в Москву, – сказал Николаев.

– Генерал велел передать: ждет ваших посланцев. Нет проблем, раз надо опознать, значит – надо. Главное – забрать тело из морга. Может быть, он сам напрямую договорится с Лубянкой.

– Стоит ли ему засвечиваться?

– Генералу виднее – стоит или не стоит. А это вам от него лично, – Шатков извлек из кармана куртки небольшую прозрачную кюветочку с золотыми запонками, украшенными бриллиантами, протянул Николаеву, – небольшой презент.

– Изящная вещь, – похвалил Николаев.

– Генерал любит изящные вещи.

– За мной не заржавеет, – сказал Николаев, – также отдаюсь изящной вещью. Что генерал передавал насчет товара?

– Товар есть. Под Москвой, на складе ПВО в сорока ше-

сти километрах от города. Есть в Саратове, в самом городе, есть в Волгограде – тоже в городе, на складах армейских частей, и под Екатеринбургом, в области, в двадцати семи километрах от города, на железнодорожном пикете. Есть там же, в области, и на складах ВВС.

– Почему такой разброс – склады ПВО, ВВС, армейские склады?

– Не могу знать. На это может ответить лишь сам генерал.

– А ближе к нашим краям ничего нет?

– Только Волгоград. Раньше был Харьков, но Харьков ныне – самостийный.

– Как и мы... В конце концов Волгоград тоже годится. На чем можно доставить сюда товар, генерал не сообщил?

– На грузовиках. Хорошо охраняемая армейская колонна – это то, что надо.

– Из Екатеринбурга в Узбекистан доставить товар сможем?

– Скорее всего, только по воздуху, грузовиками опасно. Думаю, что генерал договорится с летчиками, это в его силах.

Внутри у Шаткова что-то дрогнуло, напряглось, – словно бы натянулась некая струна, позволяющая ему держать свое тело, все, что имеется внутри, в сборе, – он вел игру, которая могла кончиться для него плохо – в лучшем случае выстрелом в затылок, в худшем – содрать с живого кожу, либо закатать в горячий асфальт и сделать частью трассы, веду-

щей отсюда в Москву... Он внимательно следил за Николаевым, а Николаев внимательно следил за ним. То, что Шатков и пароль назвал верный, и подарок был обозначен в довольно ловкой шифровке, посланной Николаеву за три дня до отъезда из Москвы Шаткова – Николаев умел хорошо пользоваться шифровками, это был умный и жесткий человек, как и то, что генерал, о котором шла речь, был охранной грамотой Шаткова, еще ничего не значило, – Шатков мог поскользнуться в любую минуту.

Он едва приметно втянул в себя воздух – постарался набрать как можно больше в рот, пропустить его через себя, погасить противное пламя в груди, подумал о том, что Николаев без проверки его не отпустит, постарается задержать у себя. Николаев не должен его отпустить, иначе он нарушит правила игры, в которую играет сам, он непременно проверит Шаткова.

Проверка обнаружит в Москве и генерала, от имени которого Шатков ведет речь, и труп курьера с картонной биркой на ноге – узнать его не узнает даже родная мама, хотя курьер жив и находится в другом месте, курьера подменяет заезжий рэкети́р без фамилии и имени, неосторожно угодивший в разборку – автоматной очередью ему снесло половину головы, все смяло, обратило в кашу, – в общем, по крупным деталям проверка готова, но проколы обычно случаются не на крупных вещах, прокалываются обычно на мелочах, а всех мелочей, как известно, не предусмотреть.

«Ничего, как говорил Кутузов, – главное ввязаться в драку, а там посмотрим, что делать». Шатков вновь втянул в себя воздух, пропуская его сквозь ноздри – сквозь плотный сжим рта дыхание не проходило, – на этот раз погасил холодное гаденькое пламя, горевшее внутри и делавшее его слабым, ответил на несколько незначительных вопросов Николаева – собственно, ответы Николаева не интересовали, ему были важны не слова, а тон, голос, выражение лица Шаткова, то, как он ведет себя, его жесты, поза – то малозначительное, почти неприметное, что может дать дополнительную информацию. Адмирал был прав: Николаев оказался очень опасным собеседником...

Шатков не заметил, когда Николаев нажал на кнопку под столом – скорее всего, эта кнопка была ножная, ощутил только, что за спиной у него будто бы из ничего, из теней в углу выросли двое, он этих людей просек корнями волос, хребтом своим, затылком – не оборачиваясь, вычислил, кто в какой позе стоит. От человека, находящегося справа, почувствовал особую опасность, правую лопатку ему начало жечь огнем, – подумал, что же он будет делать, если этот человек нанесет ему удар в спину?..

– Пока будем опознавать курьера, поживешь у меня, – сказал Николаев Шаткову, цепкие глаза за стеклами очков неожиданно расплылись, сделались нечеткими, размытыми, Шатков никак не мог уловить их выражение. – Извини, если условия будут малость похуже, чем в этом кабинете, – Нико-

лаев, повел рукой в сторону камина, из которого едва приметно тянуло вкусным древесным духом, – но трехразовое питание из ресторана получать будешь. – Николаев наклонил голову, давая понять, что разговор окончен, добавил с ноткой некой хозяйской гордости: – Мои сотрудники еду тоже из ресторана получают.

Шатков уловил это, усмехнулся:

– Большое спасибо!

Николаев подхватил сказанное на лету, ответил в тот же миг, с такой же усмешкой:

– Большое пожалуйста!

Шаткова увели в подвал – в узкую, без единого оконца, комнату, в которой стояла кровать, накрытая полосатым пледом, к изголовью был прислонен дряхлый венский стул. Больше в комнате ничего не было.

– Небогато! – присвистнул Шатков и оглянулся на своих конвоиров.

– А тебе больше ничего и не надо, – жестко, отсекая дальнейший разговор, произнес человек с железным лицом – тот, что стоял у дверей, когда Шатков шел к Николаеву (Шатков его так и пометил у себя в мозгу: «Человек с железным лицом»), и добавил многозначительно: – И полагаю, что вряд ли понадобится. Понял?

Умные глаза его ощупали Шаткова с головы до ног.

– А то, что сдал пистолет – молодец! – неожиданно похвалил он.

– А если бы я вздумал этим пистолетом воспользоваться?

– Дохлый номер! Ты видел, какая у Николаева овчарка?

Специально на таких умников, как ты, натренирована, – конвоир повысил голос и сильно толкнул Шаткова в спину: – А ну, на топчан!

– Я что, арестован?

– Хуже! – Он еще раз толкнул Шаткова в спину и поспешно отступил назад.

Шатков почувствовал, что человек с железным лицом выдернул на этот раз из кармана пистолет и теперь держит его в руке. Шатков оглянулся – так оно и есть...

– Знаешь, что главное в профессии двоечника? – спросил Шаткова конвоир.

– Стать троечником, – Шатков потянулся рукой, стараясь пальцами достать спину, поскреб ногтями по куртке, но до места ушиба так и не доскребся.

– Грамотный! – конвоир сдвинул в усмешке жесткие губы, с силой грохнул дверью, запер на ключ снаружи.

Затем Шатков услышал, что конвоир навесил на дверь замок, и присвистнул: ничего себе!

Часа через три Шаткову принесли на подносе еду – кусок вареного мяса, брошенный в тарелку без всякой подливки, несколько картофелин, соль, ломоть хлеба, стакан чаю. Еду принес человек, которого Шатков еще не видел – кряжистый, низколобый, бровастый.

– И долго я еще буду здесь сидеть? – спросил у него Шат-

ков.

Человек ничего не ответил, молча запер дверь.

На ужин Шаткову принесли то же самое – видать, местный «ресторан» разнообразием блюд не отличался: вареное мясо, картошку, половину огурца и чай с хлебом. Шатков понимал, что происходит, понимал, что и резких движений ему сейчас делать нельзя – они только насторожат Николаева, одновременно он понял и другое – держать взаперти его приказал не Николаев, а кто-то другой, более сильный, стоящий на лесенке выше Николаева. Кто это был – предстояло выяснить. «Если, конечно, до того мне голову не свернут, – невесело подумал Шатков, – нравы здесь, как в Турции, где мягкой мебелью считается хорошо заостренный кол».

Выпустили его утром следующего дня, вывели во двор, сонного, небритого.

– Видать, есть у тебя бог, раз ты живой, – насмешливо проговорил парень с железным лицом. – Оберегает тебя. Я уж думал, что ночью запакуют тебя, утрамбуют в картофельном мешке и унесут в овощехранилище, чтобы не пахнул. – Оглядел Шаткова, похмыкал в кулак: – Ну и видок!

Шатков угрюмо покосился на парня, сказал:

– Не знаю тебя и знать не хочу! – окинул взором широкий, не по-осеннему щедро залитый солнцем двор, удивился про себя: вчера день был хилый, сопливо-серый, неприглядный, и земля в нем виделась неприглядной, сегодня же все преобразилось, расцвело ярко, пышно, своей краской за-

играла каждая былка, каждый сухой кустик, каждый камешек, – улыбнулся тихо: а хорошая все-таки штука – жизнь! И то, что он жив – хорошо...

– Напрасно, напрасно ты так, – сожалеюще произнес парень с железным лицом, – грубостей я не люблю, за грубость тебе придется заплатить, – но Шатков не отозвался, покопился в другую сторону, отмечая, что есть на дворе, кто тут присутствует, что изменилось со вчерашнего дня, и двинулся к закутку Адмирала – в единственно живое место, куда он еще мог пойти, поскольку, как оказалось, только Адмирал в этой команде был человеком, все остальные люди были не люди.

Иномарок под навесом, что стояли вчера, сегодня не было – Николаев отбыл куда-то вместе с охраной. «Куда? – задал себе вопрос Шатков и ответил невесело: – На Кудыкину гору!» Он много бы дал сейчас, чтобы знать, куда уехал Николаев.

– А-а, заключенный номер один? – вытирая руки о какую-то тряпку, поднялся Адмирал.

– Почему номер один?

– Потому что номера два нету. Я переживал за тебя. Били? Нет? – И когда Шатков отрицательно мотнул головой, Адмирал вздохнул по-ребячьи жалостливо, обхватил Шаткова за плечи и повел к столу. – Парень ты хороший, по лицу вижу. Мне ты понравился. Сейчас я тебя вкусным чайком угощу, английским, «эрл грэй» называется, с отдушкой. Пил

когда-нибудь «эрл грэй»?

– Нет.

– Садись, садись. Сейчас выпьешь, попробуешь, что это такое.

Шатков сел и неожиданно увидел у своих ног детскую эмалированную ванночку розового цвета, на треть наполненную водой. В ванну было помещено ведро, украшенное сверху нашлапкой мха, рядом с ведром плавала дощечка, на которой сидела большая толстая лягушка с выразительными влажными глазами и довольно равнодушно посматривала на Шаткова. Шатков удивился: а это что за царевна? И раз царевна, то почему такой равнодушный взгляд? Он устало улыбнулся и спросил у лягушки вслух:

– Ты кто?

Лягушка, естественно, не ответила, шевельнулась на дощечке, перевешиваясь на один бок, и дощечка, словно под ней заработал гребной винт, поплыла по ванне: лягушка была существом сообразительным, знала, как ходят корабли по морю...

Чуть поодаль Шатков увидел резной домик с высокой, – «готической постройки» – крышей, которую не заметил в прошлый раз. Квадратная дверца домика была готовно распахнута. «Собака, что ли?» – Шатков легонько свистнул и удивился, когда из распаха показалась сытая кошачья морда с гусарскими пышными усами.

На подворье Адмирала располагался, оказывается, целый

зверинец, индоуток Вани и Фени не было видно – видать, уединились где-то, решая сложнее семейные проблемы.

Вернулся Адмирал с двумя чашками чая в руках, повел головой в сторону детской ванны:

– Лягушку зовут Тотошей, у нее большое горе – ушел муж. Мужа звали Кокошей. А обитателя терема величают, естественно, Леопольдом. Ваня, Феня, Тотоша и Леопольд – вот и все мои сожители. Был еще Кокоша, но теперь его нет. – Адмирал поставил чашки на стол. – Варенье хочешь?

– Чай с отдушкой и варенье? – Шатков отрицательно покачал головой.

– Верно, получается масляное масло. А я грешен – люблю смешивать одно с другим.

– Варенье хорошо с безвкусным выдохшимся чаем. А этот чай, – Шатков сделал рукой гребковое, к себе, движение, – этот чай надо пить без всякого варенья – так он хорош. – М-м-м! Его и без сахара надо пить, иначе вкус до конца не почувствуешь.

Улыбнувшись всем лицом, – Адмирал умел улыбаться всем лицом, а не только, скажем, ртом или глазами, он преоблажался, начинал светиться, у глаз его собирались мелкие лучики морщин, целая авоська, и вообще он делался другим, – достал из новенькой тумбочки банку варенья.

– Из грецких орехов приготовлено, – показал банку Шаткову, – это варенье могут делать только великие мастера.

– Что, так сложно готовить? – Шатков оглянулся: сопро-

вождающего его парня с железным лицом не было видно, и это удивило Шаткова, слишком уж беззвучно и незаметно он исчез, Шатков не засек ни шороха, ни скрипа, словно бы человек этот не был материальным, не имел плоти и состоял только из воздуха, из некой неодушевленной невесомости.

– Сложно, – подтвердил Адмирал, – очень сложно. Во-первых, на варенье идут только молодые грецкие орехи, еще зеленые, мягкие. И то не всякие – их надо отбирать. Во-вторых, орехи надо выдерживать в извести, как оливки перед засолом, а это дело тонкое, стоит только передержать пару часов, как орехи превращаются в кисель. В-третьих, сложен сам процесс варки. Зато никакое другое варенье не имеет такого обольстительного вкуса, как варенье из грецких орехов. – Адмирал зачерпнул из банки целую гору варенья, вывалил в блюде. – Ну как, отведаешь? Уговорил я тебя?

– Уговорили, – согласно кивнул Шатков.

От варенья шел тонкий горьковатый запах, но запивать варенье таким чаем было кощунственно: варенье существовало отдельно, чай отдельно, они не соединялись. Адмирал же соединял охотно, довольно причмокивал, жмурился, стирал со лба пот.

Из теремка выбрался Леопольд, глянул пронзительно на Адмирала. лягушка басисто квакнула из ванны. Среагировав на кваканье, немедленно примчался взъерошенный Ваня – видимо, он выяснял отношения с Феней, слишком уж непричесанный, потрепанный, какой-то растерянный вид он

имел: похоже, покладистая Феня показала бедному Ване, где раки зимуют.

– Все семейство в сборе, – удовлетворенно объявил Адмирал и, стянув с головы берет, поклонился: – Здравс-сте вам, дорогие домочадцы.

Ваня, распушив грудь, отставил ногу назад и церемонно поклонился в ответ, Тотоша снова квакнула, а Леопольд, похамски презрительно глянув на хозяина, закрутил хвостом – кончай, мол, дядя, баки водой заливать. Баки надо заливать сметаной. А ну, гони сметану!

Без берета Адмирал был много старше, чем в берете, – лицо его неожиданно увяло, поблекло, перестало быть интересным, на лоб напозла лесенка морщин, глаза потеряли былой блеск, но все дело было не в этом – у Адмирала была огромная, почти во всю голову, лысина.

Заметив растерянный взгляд Шаткова, Адмирал безмятежно засмеялся и провел себя ладонью по лысине.

– Это от большого-пребольшого ума. – Немного посмеявшись, он стих и добавил: – А если серьезно, то от плаванья на подводных атомных лодках. За что, собственно, я и получил золотую звездочку. Та-ак, – Адмирал сделался суетливым, – Леопольду – колбасы... Иди сюда, Леопольд! – Адмирал ловким движением смахнул салфетку, лежавшую на столе, под ней в стеклянной кюветке высилась внушительная стопка тонко нарезанной колбасы «салями», Адмирал отделил от стопки несколько скибок. – Это тебе, Леопольд!

Напыжившемуся, малость прибравшему себя Ване, – встопорщенности чуть поубавилось, – он дал половинку мягкой белой булки, Тотоше кинул в ванну сыру – Тотоша любила голландский сыр и сыр рокфор, губа у лягушки была не дура.

– У всех есть работа для челюстей, все при деле, – удовлетворенно проговорил Адмирал, снова принимаясь за чай.

Пил он неспешно, со вкусом, с толком, сосредоточенно, изредка поглядывая на Шаткова и болтая о всякой чепухе – о мелочах в основном, о которых ныне и говорить-то грешно, а потом вскользь пробросил вопрос:

– Ну что, обиделся на Николаева?

«Уж не Николаев ли подставил мне этого дедушку русского подводного флота? – невольно подумал Шатков. – Чтобы выведал то, выведал сё... А?»

– А чего, собственно, обижаться? – проговорил он как можно более равнодушно. – Бесполезно обижаться! Тем более, я все понимаю... Без разных строгостей Николаеву не обойтись.

Адмирал добродушно хмыкнул, словно бы поддерживая Шаткова (действительно, против лома нет приема, кроме лома), отщипнул от слипшейся стопки колбасы еще несколько скибок, дал коту. Леопольд довольно заурчал, он глотал колбасу, как собака, совсем не по-кошачьи, – не разжевывая, не смакуя пищу, ему, словно иному грубому мужику, важно было только набить желудок, а чем набить – неважно. Шат-

ков подивился – обычно коты едят очень разборчиво, аккуратно и с чувством.

– Но-но, Леопольд, не подавись, – предупредил кота Адмирал, погладил по спине, поднял голову и спросил у Шаткова: – Прописан-то в Москве?

– В ней самой, в Белокаменной.

– Женат?

– Нет.

– Но девушка добрая, любая, надеюсь, у тебя имеется?

Отставив от себя чашку чая, Шатков сморщился, словно бы на зуб ему попала твердая горошина, и вид его настолько был красноречив и горек, что Адмирал поспешил сказать:

– Понимаю, понимаю... Все понимаю. Извини меня, старика.

– Была девушка, да сплыла, – пояснил Шатков.

– Дело твоё такое, молодое – сегодня сплыла, завтра приплыла. А отец-мать существуют?

– Нет. Я воспитывался в детском доме.

– Вот как? – Адмирал шумно отхлебнул чай из чашки. – Люблю хороший напиток, – восхищенно признался он. Адмирал потянулся к магнитофону, нажал на клавишу. – В Древнем Египте музыкой лечили людей, – сказал он, – а Платон видел в музыке средство для воспитания человеческого характера. Детдом – это что ж... Это значит, что и родственников у тебя нет?

– Это значит, Лев Семенович, что и родственников у меня

нет.

– Чего ты меня Лев Семеновичем зовешь? Зови, как все, Адмиралом. Мы же договорились.

– Не могу панибратски похлопывать по плечу Героя Советского Союза.

– Да перестань ты! Будь, как все. Подумаешь – Герой, подумаешь – Советского, подумаешь – Союза! Союз развалился, и от всех наших цацек скоро одни только ленточки да гаечки остались. Америка скупила наши ордена, как сырье для ювелирных булавок. Тьфу! – Адмирал сплюнул в сторону и дал Леопольду еще несколько скибок колбасы. Предупредил кота: – Не подавись! – Ване выделил еще полбулки, поинтересовался: – Где же твоя дражайшая? А?

Ваня не ответил, молча впустил грудь и раздраженно мотнул «соплями».

– Ладно, ладно, – окоротил его Адмирал. – Не выступай! – Покосился на Шаткова. – Гомер считал, что благодаря музыке чума пощадила эллинов, которые держали в осаде Древнюю Троию... И что же это у тебя – совсем никого-никого?

Шатков вздохнул, допил чай и вслушался в звуки музыки – все-таки о музыке говорить лучше, чем о родственниках.

– Никого, – сказал он, – совсем никого. Никого из родственников, никого из неродственников, – засек растерянно-сочувственный, какой-то чужой взгляд Адмирала – у этого пожилого человека, невесть по какой причине получив-

шего место при чужом дворе, что-то дрогнуло внутри, сместилось, он сочувствовал Шаткову, и Шатков, реагируя на взгляд Адмирала, виновато развел руки в стороны: – Так уж получилось!

– А по образованию ты кто? – спросил Адмирал и тут же смущенно помотал ладонью около рта. – Про образование мы уже говорили... – И словно бы отвечая на немой вопрос Шаткова: «Зачем все эти сведения?», как-то обиженно, по-детски незащищенно приподнял плечи: – Да интересно мне все это. Интересно человека незнакомого встретить, интересно понять, чем он дышит, что он знает... Закис я тут совсем, закис! – неожиданно воскликнул Адмирал. – Сижу как сыч с подругой Тотошей и индюком Ваней... Разве это дело?

– А кино? Гастроли разные, концерты, – осторожно подал голос Шатков. – Тут же полно всяких певцов, чтецов, танцоров – народа много съезжается.

– Не люблю я гастролеров, – сморщился Адмирал. – Не искусство вовсе это, а жеванина... Халтура. Единственное отдохновение, – он сделал манерный жест и поклонился в сторону магнитофона, – музыка! Что бы я делал тут без нее? Пифагор считал, что музыка является универсальным средством гигиены тела и духа, он тысячу раз прав, старина Пифагор. Если бы не музыка, я бы давно умыться перестал. Такая моя жизнь... Николаева сегодня еще не видел?

– Нет.

– Уехал куда-то поутру. С охраной. Взял трех человек

с собой и укатил.

– А чего ему охраняться-то? Кого бояться?

– Как знать, как знать... – неопределенно проговорил Адмирал. – То, что он тебя выпустил, – признак хороший. Значит, грехов на тебе нет. Скорее всего, он тебя к себе в охрану возьмет.

– Да не прошусь я в охрану. Нет у меня такой надобности.

– Все равно, если предложит – не отказывайся. – Адмирал предупреждающе покрутил в воздухе рукой. – Не то... Николаев не любит, когда его не слушают. Смотри!

– Понял. – Шатков усмехнулся. – Давайте лучше о музыке.

– А что музыка? Что музыка! Никто, ни один человек на белом свете не знает, почему мы ее любим.

– Музыка, как водка, снимает стресс.

– Как лекарство, – уточнил Адмирал. Он говорил еще что-то, о трех основных ладах музыки, но Шатков уже не слышал его – распахнулись ворота, и во двор стремительно внеслись две машины, две иномарки, остановились у крыльца.

– Во, шеф приехал, – прекратив разглагольствования, произнес Адмирал. – Ты, если разговор будет, особенно не ершись, иначе Николаев тебя в бараний рог скрутит.

– За мной – Москва! – нарочито патетически произнес Шатков.

– А за Николаевым – Лондон.

– Да ну!

– Вот тебе и ну. Даже если он захочет тебя сжечь живьем и вот тут, во дворе, сотворит факелок – Москва ему ничего не сделает. Николаев есть Николаев, и этим все сказано.

Шатков вспомнил все, что знал о Николаеве, лицо его невольно сделалось угрюмым, на щеках шевельнулись желваки, и он согласно кивнул.

Через час у Шаткова состоялся разговор с Николаевым.

– Москва не чешется и не телится, – сказал тот Шаткову. – Тугодумные очень ребята у вас там... Посидишь пока у меня, на моих харчах. В подвал определять не буду – там темно, пылью пахнет, поможешь мужикам в охране. Хозяйство у меня большое, как у командира дивизии, – Николаев широко обвел рукой пространство (знакомый жест сильного человека), холодно и пристально посмотрел на Шаткова: – Согласен?

– Да! – не колеблясь ответил Шатков. Собственно, цели на промежуточном этапе он достиг – добрался до Николаева и пристроился у него под боком, а будет он сидеть в подвале или с колотушкой бегать по территории этой роскошной дачи – дело десятое.

Глава пятая

Шаткова поставили у гаража – до наружной охраны не допустили, чтобы не убежал, в дом тоже побоялись определять – мало ли какой разговор услышать может, определили около машин, которых у Николаева оказалось не две и не три, а действительно не меньше, чем в дивизии – и иномарки имелись, и наши автомобили. Конечно, Николаев лукавил, говоря, что Москва не мычит, не чешется, не телится – Москва подстраховала Шаткова.

Печально улыбнувшись, Шатков глянул поверх забора на недалекий, задымленный по осени горный хребет, прикрывающий город от секущих ветров материка, – город не был прикрыт только с моря, – и невольно сглотнул слюну. Ему захотелось назад, домой, в Москву.

Так захотелось, что он услышал биение собственного сердца – то заколотилось неожиданно громко, сильно, отозвалось болью в горле, вызвало благодарное тепло, и Шатков невольно закашлялся, помотал перед ртом ладонью, подумал о том, что Москва, наверное, уже знает об аресте Игоря Кононенко, а раз знает, то разберется, что к чему – Игорю обязательно помогут, не оставят в беде...

Хрустя мелким камешником, которым была устлана автомобильная площадка, к Шаткову подошел парень, вызывавший у Шаткова озабоченность, еще что-то нехорошее – он

ощущал, как от этого человека исходит опасность, — железное лицо его никогда не бывало мягким, умные глаза были колюче прищурены. Звали этого парня, оказывается, Корреспондентом.

— Ну что, топтун, поздравляю с вступлением в высокую должность.

Шатков окинул его взглядом с головы до ног Корреспондента: он его не боялся, но все равно какой-то холодок возникал в теле, начинал ломить плечи и ключицы, когда Корреспондент приближался к нему.

— Думаю, что топтун на этом свете — не один только я, — сказал Шатков.

— А кто же еще? — с насмешливой угрозой поинтересовался Корреспондент.

Вот она, тоненькая жердочка, проложенная между двумя каменными опасными краями гулкой пропасти. Главное — не оступиться, не улететь вместе с жердочкой в пропасть...

— Ты, — поугрюмев, произнес Шатков. И словно гвоздь забил — прозвучало это резко.

Корреспондент никак не среагировал на резкость Шаткова — словно ее и не было, лишь сощурил умные серые глаза, сквозь природную тусклоту зрачков пробился острый блеск.

— Ну, ты меня с собою на одну ступень не ставь, — сказал он. — Можешь горячим чаем обвариться. Знаешь, почему дядя Вася с Косой горы не любит горячего чая? — Корреспондент показал крупные чистые зубы, сделавшись похожим на

молодого волка и, не дожидаясь ответа, ответил сам: – Боится ноги обжечь. Лопнет мочевого пузырь, куда деваться? Ноги в волдырях будут. Ты пьешь горячий чай по утрам?

– Обязательно.

– Не пей! – Корреспондент рассмеялся, хлопнул Шаткова ладонью по плечу и беззвучно – под ногами у него не то, чтобы скрип или хряск, даже легкий шорох не раздавался, – отошел.

Шатков позавидовал этой способности Корреспондента – сам Шатков так ходить не умел. И кличка редкая у него – Корреспондент. Ну ладно бы прозвали Вороном, Людоедом, Моргуном, Вяхирем, а то – Корреспондент! Позже Шатков узнал, что этот человек действительно работал корреспондентом в областной молодежной газете, оттуда ушел заводить отделом на радио, и вот на радио у него что-то не получилось – разругался с начальством и остался без работы. Была бы работа – он вряд ли оказался бы у Николаева, и вообще не разругайся он с каким-то старым отставником, с которым случайно столкнулся в сортире, – был бы сейчас собкорром какой-нибудь крупной центральной газеты. Среди приближенных Николаева Корреспондент считался головастым парнем...

«Дело пахнет керосином», – сам себе сказал Шатков, ему показалось, что в воздухе, в выси, что-то вспучилось, напряглось, послышался тихий жужжащий звук, словно бы за облаками шел перегруженный вертолет, он задержал в груди

дыхание, пытаясь у самого себя получить подсказку: откуда исходит опасность? От парня с железным лицом? От Николаева? Или же кто-то прокололся в Москве? Он отметил, что при упоминании Москвы в нем ничего не дрогнуло, да и Шатков сам был уверен, что Москва не подведет, хотя на Москву, конечно, надейся, но сам не плошай, при упоминании имени Николаева тоже ничего в нем не дрогнуло... Опасный жужжащий звук оборвался, и вертолета не стало, но когда он про себя произнес имя Корреспондента, внутри возник холод, словно под сердцем образовалась ледышка, – вроде бы небольшая ледышка, но очень колючая, холод от нее быстро растекся по всему телу. Шатков невольно передернул плечами...

Сторожить машины – дело нехитрое, как и вообще работа сторожа – сиди в кустах, да поглядывай вокруг. Шатков понял – очень скоро он на ней закиснет, долго ему не выдержать, и не потому, что по натуре Шатков – человек действия, для которого бездействие хуже тяжелой болезни – просто он будет находиться вне источников информации, «вне пакета», пребывать в нетях, в изоляции – Николаев некоторое время подержит его в вытянутой руке, словно Моску, а потом прикончит. Подойдет такой вот паренек с бесшумной поступью и решит все дело ударом ножа сзади в шею. Тело же вывезут и завалят щебнем в здешних горах. Но пока по поводу Шаткова не было принято никаких решений, и Корреспондент источал опасность только по собственной инициативе.

Всё вписывалось в схему, разработанную Шатковым, – всё и все, кроме Адмирала. Кто Адмирал в этой команде? Обычный прихлебатель, дальний родственник Николаева или сторож, похожий на самого Шаткова? Не охранник, а именно сторож, поскольку охранник – лицо приближенное, а сторож – нет. Сторож только стережет территорию, землю, имущество. Кто ты, Адмирал?

Адмиралы, генералы – не слишком ли много высоких военных званий?..

Через два дня Шатков сделал открытие: он увидел во дворе человека, одетого в обычную джинсовую форму (варенка вообще стала у людей Николаева такой же формой, как черные рубашки у штурмовиков). Неприметное красноватое лицо этого человека показалось Шаткову знакомым, но он не сумел сразу сообразить, где видел его, лишь через минуту понял, почему не узнал – он видел этого человека совсем недолго и на нем была совсем другая одежда. В тот раз на нем кургузо, неподогнанно – не то, что в армии, – сидел милицкий мундир.

Это был капитан из городского отдела милиции. Шатков присвистнул: за капитаном, глядишь, скоро появится подполковник, а потом и сам полковник... Капитан бросил быстрый, вороватый взгляд в одну сторону, потом в другую и уверенно вошел в дом. По тому как он ориентировался во владениях Николаева, Шатков понял – капитан бывал здесь

не раз.

Задумчиво похлопав ладонью по крылу «опеля», Шатков отвернулся в сторону с видом как можно более равнодушным – ничего, мол, не вижу, ничего не слышу, ничего не знаю, ничего никому не скажу...

Во дворе сделалось тихо. Только издалека – кажется, из очень далекого далека, чуть ли не с той стороны земли, а на самом деле из закутка Адмирала доносилась тихая грустная музыка – Герой Советского Союза любил грустную музыку, и Шатков понимал его: сам закалялся в битвах и труде, знает, что такое жизнь, хотя возраст Адмирала и его возраст – это не просто разные возрасты, это разные понятия, они принадлежат к двум различным, почти не смыкающимся друг с другом поколениям. Шатков сочувствовал Адмиралу.

Он зашел за угол, ощупал стену дома – гладкая, зацепиться не за что, но при надобности он такую стену одолеет без особых сложностей. Вверху было открыто окно, в разъеме створок появилась чья-то рука и стряхнула с сигареты пепел. Шатков молча увернулся от серого, распадающегося в воздухе комочка, проворно устремившегося вниз, прикинул, куда же выходит это окно? Кабинет Николаева находился где-то рядом. Некоторое время из окна доносились невнятные голоса, потом они стихли. О чем шел разговор, Шатков не разобрал.

Еще вчера он заметил спрятанную за ровно подстриженной стенкой кустов лестницу – она лежала на боку между

«зеленым дувалом» и забором, Шатков оценивающе оглядел лестницу, потом сорвал лист с «зеленого дувала», растер его в пальцах, понюхал. Запах был очень знакомый – запах детства, кухни, лета – кустарниковая грядка была лавровой. В виски, в ключицы натекло легкое тепло. Шатков улыбнулся: все мы бываем благодарны нашему детству, каким бы оно ни было, потом оглянулся, – нет ли кого во дворе? Во дворе было тихо и пусто, даже охранник, стоявший у ворот, исчез.

Вытащив лестницу из-за кустарника, Шатков приставил ее к стене и проворно вскарабкался вверх, замер под окном – не слышно ли чего? В доме было тихо, все люди находились в комнатах. Охранников тоже не было видно.

Несколько мгновений Шатков размышлял – а не перемахнуть ли ему через подоконник? Услышал, как гулко стучит собственное сердце, звоном отдается в ушах, втянул сквозь зубы воздух, выдохнул, снова втянул и снова выдохнул – проверенный способ, театральный, говорят, чуть ли не самим Станиславским был придуман, чтобы успокаиваться. Актеры, которые выходят на сцену, особенно молодые, часто волнуются, плохо владеют собой, потеют и, чтобы как-то прийти в себя, применяют этот способ. Способ Станиславского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.